

Храм иконы Божией Матери
«Знамение» в Ховрине

№ 2 (83) 2012
март — апрель

ЛАМПАДА

ЖУРНАЛ ДЛЯ ТЕХ, КТО СТРЕМИТСЯ К ИСТИНЕ

**Тема номера:
ЧТО ТАКОЕ БЫТЬ СМИРЕННЫМ?**

- реабилитирован. Посмертно
- бессердечная повилика
- если взять в руки Библию...

«Смирись, гордый человек»

В сборнике «Вехи» С.Н. Булгаков обращается ко всей русской интеллигенции с призывом, с которым время от времени, с давних пор, обращаются к ней русские писатели и публицисты, – с большей или меньшей силой, с большим или меньшим талантом. И всегда этот призыв вызывает в сердцах любящих свою родину людей одинаковое чувство боли, одинаковое чувство жгучего негодования. Величайший русский писатель Достоевский дал ему классическую формулировку: «Смирись, гордый человек!»

Впервые не от врага своего, а от духовного вождя услышало русское общество призыв к «смирению» в «Переписке с друзьями» Гоголя. Эпоха шестидесятых годов, казалось, навсегда вырвала из сознания русского общества самую мысль о «смирении». Но в 1880 г. Достоевский с новой и небывалой силой обратился к России и к человеку с призывом «смирить» свою «гордость».

Слова его, произнесенные слабым, большим голосом, пронеслись, как удары колокола, надо всей страной и трепетно отозвались в чуткой душе русского человека.

Казалось, беспримерный успех речи Достоевского свидетельствовал о том, что на этот раз призыв нашел свой отклик в общественном сознании. Но как только слышавшие Достоевского разобрались в своих впечатлениях, они поняли, что не этот призыв вызвал всеобщий энтузиазм, что было нечто другое, звучавшее истинно пророческой силой в речи Достоевского, – его властный призыв до конца отдаться служению народу.

Глеб Успенский в блестящей статье обнаружил всю несообразность обращения к русскому обществу со словами: «Смирись, гордый человек».

И вот теперь в полумертвой общественной атмосфере снова прозвучал тот же лепет о смирении. Он исходит не от таких великанов, как Гоголь и До-

В конце статьи стоят четыре цифры – 1911. Это год ее написания. Прошел век, а словно написано сегодня! Богослов, писатель, блестящий публицист, протоиерей Валентин Свенцицкий, чей редчайший снимок вы видите, – не пророк. Он писал о своем времени.

стоевский, а от маленького публициста Булгакова, он не гремит, как неожиданный гром, а бессильным шепотом разносится по стороне, но шепот вызывает шум потому, что звучит на тихом кладбище русской общественной жизни.

И не знаменательно ли, что грозная речь великого Достоевского была произнесена, когда сводились последние счеты с освободительным движением. И речь маленького Булгакова произнесена тоже в момент окончательной его ликвидации.

В наши дни вырождения и упадка снова услышало русское общество призыв «к смирению», но не восторгом встретило его, а насмешкой и негодованием: пусть русский человек обессилен и морально, и духовно, но все же он сохранил достаточно живую душу, чтобы с отвращением отвернуться от проповедников *рабского смирения*.

Достоевский *покорил* совесть своих современников.

Его «последователи» – кучка писателей и интеллигенции, объединив-

шиеся вокруг «Вех», – возмутили совесть читателей, совесть, кажется, уже совсем отупевшую и привыкшую ничем не возмущаться.

Такая же пропасть и между призывом к смирению Достоевского и призывом современных писателей.

Не к тому призывал Достоевский. На пушкинском празднике он сказал:

«Смирись, праздный человек, и прежде всего потрудись на родной ниве, – вот это решение по народной правде и народному разуму. Не вне тебя правда, а в тебе самом; найди себя в себе, подчини себя себе, овладей собой, и узришь правду. Не в вещах эта правда, не вне тебя и не за морем где-нибудь, а прежде всего в твоём собственном труде над собой».

А правда народная, по Достоевскому, в том, чтобы стать всечеловеком, стать братом всех людей.

Вот для каких великих целей надо «смириться» человеку. Это «смирение» ничто иное, как отказ от своего личного, маленького во имя великого, всечеловеческого.

За святое *вселенское* дело надо приниматься *чистыми руками*. И он призывал людей во имя любви к человечеству очистить свои руки от грязи нашей мелкой, повседневной жизни.

Призывать русскую интеллигенцию «к самокритике, к покаянию», как Булгаков, – это было бы безумно смешно, если бы не было так жестоко и отвратительно. Ведь рефлексия, гамлетовская «самокритика» есть та самая страшная язва, которая более всего обессиливает русскую интеллигенцию. Покаяние! Но кто не каялся на Руси? Гоголь, Некрасов, Достоевский, Толстой – ужели мало выразили они собой постоянный уклон русской совести: вместо стремления к действию, к новой жизни – уклон в сторону бессильного плача о своих грехах.

Современные проповедники «смирения» приносят покаянную о гордыне освободительного движения и

СКРЕПЫ

В смиренности – святость, и в смиренности святом – свойства: бесчестие принимать с удовольствием раздражительность, иметь недоверие к своим совершенствам.

*Старец
Иоанн Троицкий*

предлагают отречься от этой гордыни. Предлагают «мирно обновляться». Но спрашивается: повинны ли мы действительно в гордыне?

Найдите народ, который бы с такой покорностью и долготерпением только и делал на протяжении всей своей многострадальной истории, что *смирался*. Ведь вся русская история есть непрерывное смирение. Кто и что не смиряло в России русского человека. Смиряли татарские ханы, смирял Иоанн Грозный, смиряли опричники, смиряли помещики в эпоху крепостного права, смиряли розгами и нагайками. Не слыхала других живых слов изболевшая русская душа, а «смирись» она слышит от колыбели до последних своих мученических дней. И еще подымается рука у русского писателя, от которой усталый, загнанный русский интеллигент ждет бодрых призывов, – писать то же вечное, безысходное слово «смирись».

Но доколе, доколе, Господи!

«Гордый человек!» Но где же он в России этот «гордый человек», покажите нам его? Покажите, кого вы призываете к покаянию. Поезжайте в провинцию, в маленькие уездные города, взгляните на нашу печальную русскую жизнь. На затравленного русского интеллигента, который недоедает, не досыпает, бьется, чтобы не задохнуться во всеобщей пошлости, каждый шаг которого выслежен,

каждое слово подслушано. Тысячу раз прав Мережковский, уподобив русскую интеллигенцию жалкой клячонке, которую все бьют, все, кто хочет и у кого есть время. И ей-то хватило у вас духу, у вас, русских писателей, сказать как напутствие только одно слово «покайся».

Нет, довольно каяться. Пора начинать новую жизнь. Мы ждем призывов не к «самокритике», а к творчеству. Не к смирению, а к вдохновенно. Вы, семь «смиранных», предали нас, интеллигентов, анафеме. Так знайте же, что и мы отрекаемся от вас. Вы не вожди наши, не писатели русские, страдавшие всегда вместе с нами. Идите себе по своим «Вехам» в болото – мы пойдем своей новой дорогой, пойдем на неприступную гору. У нас хватит на это и смелости, и любви. Найдутся и свои вожди, и свои мученики!

Общественная жизнь умерла. Старые идеалы разрушены.

Над умирающей общественной жизнью, как дух разложения, носится призыв к смирению, к покаянию и самоспасению.

Вся жизнь и умирает, и с напряженной силой ждет и новых задач, и новых слов, и новых вдохновений.

Но что всего важнее – великого пророческого голоса о новой жизни, говоря религиозным языком – о жизни последних времен, ждут уже не отдельные представители утописты-мечтатели, ждет народ.

И его глубокое сосредоточенное молчание – это благоговейная тишина великого предчувствия.

Этим предчувствием охвачены все. И светлые души, радостно и уверенно готовые выйти навстречу грядущему дню. И страшные прокаженные, задыхающиеся от гнойных ран, и чистые сердцем, и те, чьи сердца измучились, изболелись от собственных преступлений, и праведники, возлюбившие правду с апостольской ревностью, и те, кто гибнет и разлагается от лжи.

Все ждут и предчувствуют, и может быть, измученные в грехах и страдании, ждут пламенной и дерзновенной.

Современная жизнь представляется нам великим кануном.

Конечная цель – полная окончательная и материальная, и духовная свобода, которая разорвет все преграды между отдельными людьми, соединит их в одно великое целое, где нет ни господ, ни слуг, ни рабов, ни голодных, ни нищих.

Конечная цель – новая земля под новыми небесами. И все, что в жизни стоит на пути как препятствие к этой цели, будет обличаться нами со всей силой, на какую только способно наше сердце.

С силой, в основу которой положено не право личной праведности, напротив, – право глубочайшего сознания всеобщего падения, но и непоколебимой веры в близость «настоящего дня».

1911

*Подготовил публикацию
Сергей Чертков*

Юлия Жадовская

Молитва

Написано 6 августа 1857 года,
в праздник Преображения
Господня

Молю Тебя, Создатель

мой:

Смири во мне страстей

волнение,

Избавь меня от искушенья,

Исполни кротости святой!

От грешных чувств,

от гордых дум

Оборони меня, Спаситель, –

И озари мне, Искупитель,

Небесным светом

бедный ум!

Гибок, как молодая ветвь Протоиерей Андрей Ткачев, с которым мы ведем беседу, так определяет смиренного человека

– Многие верующие считают, что истинное смирение состоит в том, чтобы нивелировать себя как личность, возложив все на волю Божию или, в крайнем случае, на духовника. Правы ли они?

– При попытке списывать свою жизнь с древних образцов часто в результате получается не очередной шедевр, а карикатура. Великие отцы пустыни ведь и в свое время были живым чудом, а не стандартной обыденностью. Тем более, по прошествии многих столетий, в иных культурных и исторических условиях мы вряд ли способны им подражать. И уж тем более – подражать массово. У нас и духовников-то благодатных в таком количестве не берется даже на четверть.

Есть такая добродетель – трезвение. На литургии после освящения Даров священник молится о том, чтобы причастие Святых Тайн было для людей, во-первых, «во трезвение души». Уже потом – «во оставление грехов и в жизнь вечную». Так вот, трезвение души – это такое качество, которое заставляет трезво оценивать себя и жизнь, не завывая и не занижая планок, не совершая бегство в область религиозных грез. Трезвая оценка сегодняшней жизни требует настоятельно от всякого христианина разумной и сознательной личной позиции по жизненным вопросам. Для этого есть совесть, Святое Писание и уникальный для каждого молитвенный опыт. Нужны также и советы любящих и верующих людей, но именно советы, а не безоговорочные приказы. Общих, шаблонных правил для людей нет. Всякий человек для духовника – особый случай. Где есть «уровнировка» и попытка стандартно решать нестандартные частные случаи, там можно вместо пастыря попасть к волку. Можно довериться слепому поводырю, отдаться в руки неумелому хирургу.

Сложение с себя ответственности в целях послушания – дело исключительно редкое в смысле непостыдности и правильности. Ошибок больше, и изломанных душ много.

На всецелое послушание способна только душа в высшей точке своего

развития, а не инфантильное и перепуганное существо, вручающее себя самому в полное руководство иногда случайному человеку под влиянием внешних факторов.

За себя самих нам перед Христом отвечать самим. А спрятаться за красивую фразу на архаичном диалекте и сложить с себя ответственность можно. Только это дело – чаще всего бесплодное и опасное.

– Как вы считаете, изменилось ли со временем понятие смирения? Наполнилось ли оно новым содержанием? Если да, то каким?

– У кого-то из великих отцов есть слово о том, что смирение не имеет определений, поскольку оно – Сам Христос. Кажется, это сказано у Лествичника. Смирение – это Сам Христос! Не глазки в пол, не словечки заученные, не что-либо подобное, но Сам Царь славы, вселившийся в душу и живущий в ней. Соответственно, ничего сущностного в отношении смирения измениться не может, поскольку «Иисус Христос вчера и сегодня Тот же, и во веки». Может умножиться количество обманчивых масок, называемых смирением, но не само оно.

– Современная жизнь предъявляет к человеку жесткие требования. Как это сопрягается со смирением?

– Смирение как раз и проявляется в обстоятельствах трудных, «глядящих против шерсти». Тогда человек гордый бунтует и дергается, а человек, стремящийся к смирению, понуждает себя на терпеливое перенесение сложностей ради Бога. Ему тоже не сладко попадать в трудности, но он учится не на

Рембрант ван Рейн. Возвращение блудного сына (фрагмент картины)

себя надеяться, а на Того, Кто над всеми. Учится не роптать, не жаловаться и не ворчать попусту. Это и есть стремление к приобретению смирения, хотя еще не само оно.

У пророков сказано: «Надменная душа, как бродячее вино, не успокоится, а праведный верою жив будет». Слова «смирение» здесь нет, но сказанное касается смирения, то есть доверия Богу, памяти о Нем и хождения перед Его Лицом. Гордый если сломается, то уже без исцеления. Если же исцелится, то именно смирится. Смиренный же более устойчив, живуч, непобедим. Он гибок, как молодая ветвь. В нем жизнь, а не в твердой и гордой коряге, обреченной в печке гореть.

– Принципиальность, убежденность, активность – не вступают ли эти качества в противоречие со смирением? Не вводят ли они человека в грех ослушания?

– Стоит поглядеть на образы подлинных угольников Божиих. На Николая Мирликийского, на Сергия Радонежского и на многих других. Их жизнь угаена от нас, но они смирен-

ны, ибо благодатны. Бог ведь гордым противится, а смиренным дает благодать. Эти благодатные люди настолько же смиренны внутри сердца, насколько благодатны и чудотворны в глазах Церкви. Но разве они беспринципны? Разве они не убеждены в том, Кому они служат и что нужно делать? Конечно, они постоянны в добре и мужественны в испытаниях, они подобны городу, стоящему на верху горы, а не на развеваемой ветром волне. Они активны и принципиальны. Так святые в наших глазах оправдывают Евангелие жизнью и показывают, что подлинное смирение перед Богом ни принципиальности, ни активности не помеха. Оно кажется помехой, если мы словом «смирение» пользуемся, а в смысл и в глубь понятия не проникли. И благоухания, от смирения исходящего, не нюхали ни разу.

– Возможно ли исповедание таких составляющих Христова учения, как смирение, неосуждение, покорность властям, в сегодняшней общественной и политической жизни?

– Жизнь хороша и правильна, когда кроме переменчивой картинке повседневности есть у человека место в душе для ценностей высших и непреходящих. Христианин – гражданин Неба, он всего сердца земле отдавать не должен. Права не имеет. Не должен он и мечтать о полной справедливости на земле, о построении рукотворного рая на ней. Эта земля и все дела ее сгорят, мы же «ожидаем нового неба и новой земли, на которых правда живет». Исходя из этого повышенная активность в делах наведения справедливости говорит как минимум о том, что человек:

1) не видит зла в себе, а полагает его только в «ком-то»;

2) питает свое плотское сердце плотскими фантазиями о беспримесном счастье здесь;

3) не имеет живой веры, а есть так, «что-то», заставляющее суетиться и дергаться.

Августин Блаженный сказал, что «если Бог для человека на первом месте, то все остальное – на своих местах». Почтите Бога, как Бога, и лишь тогда сможете отнестись к временной власти просто как к временной власти, не впадая ни в ее обожествление, ни в неумеренное критиканство.

– Должно ли православному человеку бороться за свои права? Как в этом случае быть со смирением?

– Можно бороться за свои права, но не нужно забывать, что кроме прав человека есть еще и обязанности человека. Если права обязанностями не уравновешены, все летит в тартарары или превращается в свою противоположность. Спросите человека, какие у него обязанности? И если он вам даст пространный перечень, то благословите его на борьбу за неотъемлемые права. Если же он молчит как рыба, то не благословляйте его. У него нет прав, ибо он еще не совсем человек (без обязанностей то есть).

– Многие верующие прежде всего воспринимают смирение как соблюдение бытовых поведенческих правил, а не как борьбу со своими страстями, их укрощение, неподчинение им. Верен ли такой приоритет?

– Не надо увлекаться внешним. Мы не актеры, а дети Божии по призванию. Только внутреннее, только сущност-

ное, никакой показухи. Правило благодатного человека: быть, а не казаться. Причем и быть – не напоказ, а для Видящего втайне и Воздающего явно.

– Смирение и творчество. Естественна ли между ними симфония?

– Только один пример, и все должно стать ясно. На заглавном листе каждой партитуры Иоганн Себастьян Бах писал посвящение Господу Богу. Не думаю, что после этого возможно сомневаться в соединении веры и творчества.

– Какое будущее у Православия в славянском мире?

– Будущее Православия в мире (славянском в том числе) – это будущее души в теле. Если душа здорова, то и тело бодро. Если же мир болен неисцельно, то душа из тела мира уйдет и останется только труп. Это мрачная крайность, рано или поздно имеющая исполниться. Дай Бог, не на наших глазах, поскольку зрелище это нестерпимо.

Трудиться надо много всем, чтобы Православие стало по факту тем, чем является по замыслу Божию.

«И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть; а от дерева познания добра и зла, не ешь от него» (Быт. 2:16–17). Как поступил человек, мы знаем не только из Священного Писания – знаем на собственном многотысячелетнем горьком опыте. То был первородный грех, грех послушания, шлейф которого мы влачим на себе, передавая от одного поколения другому.

Если помнить, что в зеркале все видится наоборот, то отражение послушания есть смирение. Иными словами, Создатель перво-наперво заповедал нам быть смиренными. Но поскольку людям, по их испорченной природе, присуще все толковать к собственной выгоде, споры вокруг того, что значит быть смиренным, не утихают.

У людей христианской веры есть достаточно ясные определения этого понятия (насколько они им следуют – вопрос другой). Иные религии, если отменить вульгарные искажения, во многом созвучны христианству. Приверженцы идеалов Французской революции предпочитают, скорее, зеркальное отражение смирения, откуда в итоге и выросло древо борьбы за права человека. Сегодняшняя реальность – это, можно сказать, уже целый дендрарий.

В действительности все и просто, и сложно одновременно. Просто – потому, что не нужно далеко ходить за искомым определением. Быть смиренным – это постараться вернуть себя к первозданному образу, каким замыслил его Творец. Быть смиренным – это, по Серафиму Саровскому, *стяжать в себе дух мирен*, чтобы вокруг *спаслись тысячи*. Быть смиренным – это, наконец, не делать другому того, чего не хочешь получить сам. И, как ни покажется странным, это вернуть мир к тому изначально равновесному состоянию, из которого когда-то мы сами его и вывели. Или хотя бы стремиться к этому.

А что же сложно? Как это выполнить? Как **захотеть** это выполнить? Как научиться управлять своими страстями, амбициями, своей неумностью? Вспомним, что сказано у Оптинских старцев: «Господи, дай мне смиренно предаться воле Твоей святой». Это ли не ответ на наши вопросы?

...То мерзость перед Богом

С Михаилом Юрьевичем Давыдовым читатели «Лампады» уже встречались. В № 4 за 2009 год была опубликована беседа с ним. Врач-анестезиолог из Научно-исследовательского института неотложной детской хирургии и травматологии, больше известный в мире как институт Рошалья, предстал не в своем профессиональном облике, но как автор и исполнитель собственных песен, проще говоря – бард. Сегодня наша с ним беседа – о главной теме номера, о том, как он понимает смирение и какое место оно занимает в его жизни.

Павел Демидов

– Я уже закончил дежурство, но мне нужно было посмотреть ребенка назначенного к операции. Малыш весил всего около пяти килограммов. Это будет иметь значение для дальнейшего хода событий. Ему предстояла операция, которая, на мой взгляд, таким детям просто вредна.

– **Ему вообще нельзя было делать операцию?**

– Нет, речь идет о способе. У него были паховая и пупочная грыжи. Пупочную вообще не оперируют до пяти лет, а ему не было и полугода. Как правило, она проходит сама. Паховую оперируют, и то если она ущемляется. В данном случае показания к операции были.

– **Так в чем проблема?**

– В выборе способа операции. Есть так называемый старый способ, который в руках хорошего хирурга требует не больше пятнадцати минут. А есть новый, который сейчас активно внедряется современной медициной так называемых высоких технологий. Здесь операция может длиться до полутора часов. Анестезии, естественно, совершенно разные. При лапароскопии она более объемная. Назначили именно ее.

– **Держать человека на столе пятнадцать минут или полтора часа!**

– Вот именно. Во втором случае аппарат дышит за больного. А у маленьких детей это грозит постинтубационным синдромом – когда происходит отек голосовых связок. Ткани у ребенка очень нежные, но как бы аккуратно ни проводить манипуляцию, травма при введении трубки вполне возможна. Осложнение довольно тяжелое, потому что связано с нарушением дыхания, а это может, в свою очередь, привести больного в отделение реанимации.

– **А какие преимущества у первого способа операции?**

– Поскольку мы в трахею трубку не вставляем, осложнение в виде отека исключено. Просто делается маленький разрез, и грыжа ликвидируется. Больной все время дышит сам. А это главное. Между прочим, Сергей Павлович Королев умер на операционном столе потому, что просто задохнулся.

– **Как это?!**

– Из-за того, что его при аресте избивали и сломали челюсть, у него, когда кости срослись, не раскрывался полностью рот. И когда его оперировали, то не смогли достаточно широко открыть ему рот, чтобы вставить в трахею дыхательную трубку.

– **А писали, что у него отказало сердце.**

– Это официальная версия. Если больной дышит сам, анестезиологический риск не превышает риска оперативного вмешательства. То есть все соответствует законам классической медицины. Это при первом способе операции. Во втором же случае этот риск неизмеримо выше.

– **То есть второй способ проигрывает от того, что другого характера анестезия?**

– Да, да. Послушай, мы не ушли далеко от нашей темы? Я имею в виду смирение.

– **Напротив. Как раз подошли к ней. Твое дежурство, насколько я понимаю, кончилось. Ты собирался идти домой. А пошел к больному.**

– Так получилось... Когда я спросил у мамы ребеночка, все ли ей понятно с предстоящей операцией, она сказала, что да, знает, что предстоит лапароскопия... Я настроился. Есть непреложное правило: родители должны знать все методы и способы лечения, все плюсы и минусы, за ними окончательный выбор. Здесь ничего этого не было.

– **Мама же знала, что будет лапароскопия.**

– Но она не знала, что есть другой метод. Пусть меня считают ретроградом, но я категорически против лапароскопических операций на маленьких детях. Общая площадь дырочек, которые делают для лапароскопов, ничуть не меньше величины разреза при операции открытым способом. А какие риски!.. К тому же грыжа – это не брюшная патология, а проходят лапароскопом через брюшную полость, то есть причиняют дополнительную травму. По статистике, после лапароскопии у малышей 60 процентов рецидивов. Я понимаю: веяние времени, вы-

сокие технологии. Но передо мной крошечное, беззащитное, страдающее существо, и я прежде всего должен думать о нем, о том, как максимально обезопасить его.

– **Слово лапароскопия стало для тебя моментом истины в этой истории.**

– Да. И чем дольше я говорил с мамой, тем больше убеждался в этом. Выяснилось, что ребенок родился недоношенным, сразу после родов был на искусственной вентиляции... В истории болезни ничего не было записано. Я допускал, что у малыша могли быть проблемы в развитии. Значит, на таком организме тем более нельзя применять инновации. Есть отработанные столетиями методики, есть богатейший практический опыт. А к тому же у ребеночка, сказала мама, ночью была рвота. А это – уже основание отменить операцию, потому что его нужно показать отоларингологу. Отчего затруднено дыхание? То ли это последствие рвоты, то ли он заболел. Когда же мы перейдем к основной теме – к смирению?

– **А разве мы не о нем говорим? Тебе бы смиренно сидеть, не лезть не в свое дело...**

– Как это не в свое?! Врач всегда при исполнении, кончилась ли у него смена, в отпуске ли он... А тут детеныш – кроха, да к тому же ситуация неоднозначная. В общем, я рассчитывал, что операцию отложат, а потом можно будет поговорить с хирургами, даже с родителями – чтобы они не соглашались на лапароскопию. Согласен, элемент провокации с моей стороны имел место, но другого выхода не было.

– **Хочу уточнить: ты в любой момент мог бы отстраниться, поскольку и больной не твой, и смена кончилась.**

– С полным правом. Я посмотрел больного, написал заключение – и лады. Ты меня все подводишь к несмирению, к строптивости.

– **Не спеши с выводами.**

– Как назло, отоларинголог оказалась очень дисциплинированной и пришла на работу даже раньше. С ее стороны противопоказаний не было. Моему коллеге, который должен был работать на этой операции, я сказал, что к ситуации нужно отнестись очень внимательно, ибо можно даже, как у нас говорят, оставить ребенка на столе. Тот, понятно, заволновался – а специалист он молодой, первогодок, – и попросил меня пойти посмотреть малыша еще раз. Еще и заведующий настоял. Пришли. Смотрим – ребенок дышит хорошо. Все вроде в порядке. Когда мы с коллегой остались вдвоем, он меня спрашивает с тревогой: «Что теперь делать?»

– Прямо детективная история.

– А в нашей медицине сплошные детективы. Бросаем, например, клич: давайте будем лечить младенцев! А чем лечить – подумаем в следующий раз. В нашем случае этот подход я и решил использовать. Дело в том, что наш аппарат искусственной вентиляции не рассчитан на массу тела больного до пяти килограммов. Такой маленький вес он просто не вытягивает. Тут нет никакой недоработки. Просто раньше мы оперировали детей от трех до пятнадцати лет и из этого расчета покупали технику. Но теперь у нас оперируют, что они совсем крохи...

– А об аппаратуре подумаем в следующий раз?

– Вот именно. В общем, мы положили ребеночка на операционный стол, я сам интубировал его... Маленькие дети – это совершенно особая статья. Их даже брать на руки надо по-другому. Когда ты занимаешься маленьким ребеночком, надо представлять себя даже не папой – мамой. Чувство ткани, ощущение хрупкости... Надо сказать, что они очень крепкие...

– Господь заложил большой запас прочности.

– Сколько я в этом убеждался! Но в то же время – насколько само чадо беззащитно!.. А каково маме, которая отдает в твою власть свое дитя?.. У меня эти чувства особенно усилились с рождением собственной дочери. Стоя у стола, я вспомнил слова нашего директора: «Примеряйте все на себя. Прежде чем что-то сделать, подумайте, кто перед тобой, а потом уже – что вы с ним сделаете». Короче, я решил: костыми лягу, но оперировать вы не будете.

– Но пока об этом знал только ты.

– Но – пока. А дальше такая картина. Входит хирург, я всем им говорю: «Ребята, оперировать лапароскопией вы, может быть, не будете». – «Почему?» – «Видите аппарат? Если сейчас он не потянет, – извините. Будете делать старым способом».

– А при открытом способе аппарат не нужен?

– Там больной дышит сам. И на лице только масочка. А здесь за него дышит техника.

– А почему больной сам не может дышать?

– При лапароскопии в брюшную полость нагнетается углекислый газ. Он поджимает легкие и не дает им дышать. Вот, собственно, и все. При открытом способе ничего этого нет, а о прочих побочных мы уже говорили. Возражения вызвали негодование у хирургов: почему не предупредил раньше? А я говорил, и не раз. Это не первый случай.

– Здесь, видимо, сработало то, что ты снял больного чуть ли не со стола.

– Возможно. Что ж, их тоже можно понять. Было довольно нервное обсуждение ситуации, меня поддержал очень авторитетный коллега, и ребенка все-таки оперировали «как при царе». Сейчас он уже в полном порядке.

– Формально это было из-за возможностей аппарата?

– Формально – да.

– А если бы аппарат все же потянул? Ведь вес малыша не так уж отставал от нижнего предела.

– Он весил даже пять двести. Что и позволило мне посеять сомнение: может, потянет, а может, и не потянет. Кто в таком случае захочет рисковать?

– А вдруг бы кто-то и рискнул?

– Я почти тридцать лет в профессии. Высшая категория. Меня считают все же неплохим анестезиологом. Неужели ты думаешь, я не смог бы найти выход из положения?

– Но хирурги говорили, что ты превышаешь полномочия, не имеешь права влиять на план операции. А как ты сам считал?

– Честно говоря, мне это даже не приходило в голову. Я видел перед собой растерянные глаза своего молодого коллеги, видел маму, которая ничего не понимала и полностью доверилась врачам... Это же страшно: решение о твоём ребенке принимает чужой человек! Только Господь Бог вправе брать на себя такое. А тут – люди... Я хорошо помню одно из наших установлений: хирург вправе делать все, что разрешит ему анестезиолог. В этом великая правда. Потому что хирург видит только свое операционное поле, а анестезиолог – всего больного, все его слабые места и подстерегающие опасности. Он первым входит в операционную и последним уходит из нее. И он же занимается больным в послеоперационный период. Все это, в конечном счете, и привело меня к решению. Я уж не говорю еще об одном правиле, которое закреплено даже законодательно: всякая смерть на столе – это смерть

анестезиологическая, кроме неостановленного кровотечения. Хочу подчеркнуть: до прихода к вере я бы так, возможно, и не поступил.

– Раз уж зашла речь о вере, давай поговорим о том, к чему ты все время рвался. О смирении. Как ты его себе представляешь? Что такое быть смиренным?

– Теперь я понимаю это так: ты никакой не особенный и потому умерь свою гордыню. И что все, что ты делаешь доброго, хорошего, это заслуга не твоя, а Господа Бога, Его милость. Тебя поставили на это место в жизни, и ты смиренно носи свой крест. Тяжело? Бывает и тяжело. Легко? Слава Богу. Я понимаю, что Господь говорит с нами голосом нашей совести. Важно его слышать. А услышав, решить: или ты смиряешься перед ним и делаешь, как совесть тебе подсказывает, или поворачиваешься спиной. Мне кажется, что наполнение понятия смирения у каждого свое.

– Само собой. Каждому есть что смирать, и каждый знает, что ему смирать. Это как у Толстого со счастливыми и несчастливыми семьями.

– Я могу сказать, что мне очень повезло. Прежде всего, с людьми, которые помогли в моих попытках встать на духовный путь. Повезло с духовником, отцом Николаем. Это они мне показали, как надо смотреть в себя. Многие, например, не хотят видеть в себе того, от чего следовало бы избавляться. Положа руку на сердце могу сказать, что я так о себе не думаю. Во мне столько всего... Значит, и есть что смирать.

– А что ты проявил в случае с этим малышом? Непокорность или смирение?

– А как ты считаешь?

– Возможно, я тебя разочарую. С моей точки зрения, ты проявил и то, и другое.

– Как это? Поясни.

– Смирение и непокорность здесь находятся в причинно-следственной связи. Только непокорность проявила себя в конкретной, локальной ситуации – в сюжете с операцией, в отстаивании способа ее проведения, даже в хитрости, которая позволила тебе выиграть.

– А смирение?

– А смирение выразилось в более высоком смысле, я бы сказал – духовном. В смирении, последовательном и настойчивом отстаивании своих убеждений, принципов твоей профессии. Смирение проявилось в том, что ты им не изменил, остался им верен. Не поддался давлению окружающих, не убоился их недовольства и осуждения, не польстился на их одобрение, если бы уступил им. Ибо, как сказано в Евангелии от Луки: «что высоко у людей, то мерзость перед Богом» (16:15). Помоги тебе Господи и впредь не изменять себе в главном.

Скажите, пожалуйста...

 <p><i>Вот что ответили нашему корреспонденту Ларисе Беляевой на ее вопросы...</i></p>	<p><i>Протоиерей Игорь Любченко, настоятель храма Михаила Архангела, г. Суздаль</i></p>	<p><i>Лидия Евгеньевна Кудрявцева, 65 лет, актриса</i></p>	<p><i>Герман, 45 лет, церковный сторож</i></p>
<p>Считаете ли вы себя смиренным человеком, даже если порой проявляете строптивость?</p>	 <p>Что такое быть смиренным? Любить всех! Стараюсь. «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать».</p>	 <p>Да, я считаю себя смиренной. Во всяком случае, я к этому стремлюсь. Это мне в жизни помогает.</p>	 <p>Не смиренный.</p>
<p>Вы проявляете смирение ко всем одинаково или делаете различия? Какие и перед кем?</p>	<p>Чтобы не хитрить и по правде – конечно, в смирении лукавлю!</p>	<p>Я считаю, что к смирению надо стремиться. Стараюсь в этом совершенствоваться, но, конечно, не получается со всеми проявлять смирение.</p>	<p>Конечно.</p>
<p>Достижимо ли полное смирение? При каких условиях?</p>	<p>Конечно же, смирение достижимо, но при условии подчинения своей воли Богу! «Не как я хочу, Господи, а как Ты! Да будет воля Твоя!»</p>	<p>Полное смирение достижимо при полном отречении от гордыни, но это сложно человеку сделать. Мы должны к этому стремиться.</p>	<p>Недостижимо. У кого больше, у кого меньше.</p>
<p>Что вы считаете первостепенным положительным качеством? И почему?</p>	<p>О первостепенном положительном качестве никогда не задумывался, но всегда хочется видеть в людях терпимость друг к другу и, конечно, христианскую любовь.</p>	<p>Первостепенное положительное качество – это доброта. Потому что доброта – это синоним любви, а это то, к чему мы должны стремиться.</p>	<p>Так сразу не скажу, надо долго думать.</p>
<p>Можно ли быть одновременно смиренным и принципиальным?</p>	<p>Думаю, что примером и смирения, и принципиальности может быть преподобный Серафим. Он был смиренным и принципиальным по отношению к противникам веры и государства.</p>	<p>Мне кажется, можно.</p>	<p>Нет, невозможно.</p>
<p>С чем вы никогда не смогли бы смириться?</p>	<p>Могу сказать, что смиряюсь со всем. Не сразу, правда. Но после молитв Господь открывает, почему так произошло, и получаю ответы на все. И соглашаешься с произошедшим и смиряешься. Главное – не держать зла в сердце!</p>	<p>Меня всегда возмущает подлость человеческая.</p>	<p>Зависит от обстоятельств.</p>

ЧТО ТАКОЕ БЫТЬ СМЕРНЫМ?

Анкета «Лампады»

<p><u>Марина Александровна Боноева</u>, 38 лет, певчая церковного хора</p>	<p><u>Кирилл Борисов</u>, 22 года, студент</p>	<p><u>Надежда Николаевна Живодерова</u>, 58 лет, секретарь</p>	<p><u>Константин Эдуардович Юшков</u>, 51 год, продавец</p>
			
<p>Смириться человек может только по благодати Божией. Я не вспомню, чтобы святые говорили: «Я, в принципе, считаю себя смиренным человеком».</p>	<p>Стараюсь себя считать смиренным, поскольку это даже физически сложно, поскольку сейчас, в XXI веке, быть смиренным сложно. Часто проявляю строптивость, несогласие.</p>	<p>Себя смиренным человеком я не считаю и строптивость проявляю.</p>	<p>Хочу ответить одной строчкой. Как-то я услышал на проповеди одну замечательную фразу по поводу нашего знания о смирении, что христианин должен сказать о себе: я ничего не знаю о христианстве кроме того, что Иисус Христос – Сын Божий и что я хуже всех.</p>
<p>В нашей грешной жизни бывает все: и лицемерие, и гордыня. Нелегко, например, строить отношения с начальством. В этом случае необходимое смирение вряд ли можно назвать искренним.</p>	<p>Стараюсь быть смиренным ко всем, но с некоторыми людьми бывают разногласия, то есть я могу показать себя с худшей стороны.</p>	<p>Различия делаю иногда. Бывает брезгливость к бомжам, хотя их жалко в душе.</p>	
<p>При полном отречении от своей гордыни и при условии жизни по Евангелию.</p>	<p>На это затрудняюсь ответить.</p>	<p>Надо работать над собой, чтобы иметь полное смирение. Условия не играют никакой роли.</p>	
<p>Соблюдение внутреннего морального кодекса, то есть совести. Можно не быть христианином, но при этом быть тем человеком, кому можно доверять.</p>	<p>Положительные качества человека: терпение, смирение, страх перед Богом, любовь к ближнему, любовь к Богу. Почему – сложно объяснить.</p>	<p>Положительное качество – это когда есть смирение, когда себя можешь остановить при раздражении, а ты, наоборот, молишься и любишь этого человека. Главное, чтобы была любовь ко всем.</p>	
<p>Конечно. Пример: жизнь святых людей.</p>	<p>Это трудный вопрос. Не смогу ответить.</p>	<p>Принципиальным – только если с собой или в каких-то случаях, когда ты видишь какую-то неправду, здесь можно быть принципиальным.</p>	
<p>Больше всего я не приветствую в людях желание влезать в чужую жизнь, пытаться разрушить личные отношения. Это подлость.</p>	<p>Со многим можно стараться смириться, но смириться полностью невозможно. Поэтому есть моменты в жизни человека, когда есть стремление, но не получается.</p>	<p>Не знаю даже.</p>	

Валентин Курбатов

Было утро...

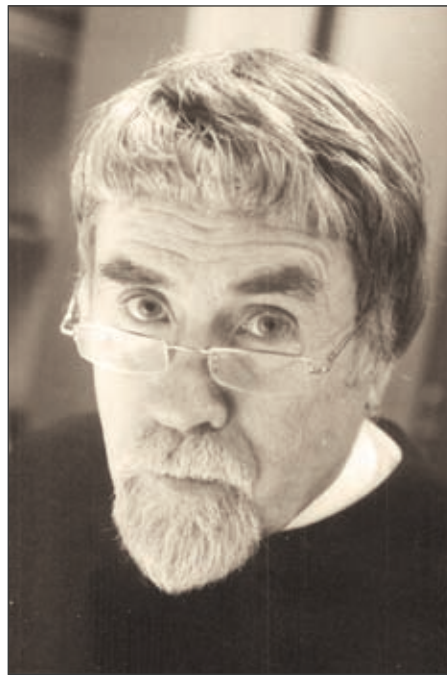
Так бывает. Я только взял в руки книгу Ф. Бегбедера «Я верую – я тоже нет», а уж завелся самым ее именем. А тут еще увидел рецензию на нее Яна Шенкмана в «НГ Ex libris» и цитату: «Не будем говорить о глобализации, об отмене границ (понятия отечества, по сути, уже не существует), об унификации мира, о крахе коммунистической утопии... Все это очень важно: крушение идеологий, религий, утопий. Нет больше Бога, нет больше надежды на равенство между людьми, остается только потребление».

Когда бы это была обычная самонадеянность атеиста, и возражать бы не стоило. Но Бегбедер знает, что такое Церковь. Он мальчиком вырос в вере, и собеседник его в книге – не интеллектуальный коллега, чужой сердцу человек, а его духовный отец (католический епископ Жан-Мишель ди Фалько.). И вот на тебе – нет Бога, нет надежды на равенство...

Да вроде и действительно – какое равенство? Мы на глазах мира прикончили эту надежду с какой-то мстительной изобретательностью, чтобы уж ни у кого и сомнений не оставалось. И автор не зря отчетливо связывает крах коммунистической утопии с крушением религий. Они подлинно были неотъемлемо связаны. Мы хотели, хотели равенства! Только поставили его на место Бога и тем и приговорили. И в результате остались с Бегбедером: ни Бога, ни равенства – одно потребление...

Только он-то еще, кажется, смущается и не хочет победы своего «открытия», и книгу пишет потому, что надеется на братское опровержение, на то, что кто-то вернет ему детскую простоту и Бога. А мы все «не наедемся» никак. Слишком нагуляли аппетит, пока за равенством бегали.

А от Бога уж давно отлепились... Так что Шенкман с его злорадным цитированием, как это ни печально, про нас говорит, что мы сегодня «вынужденные» христиане, как азербайджанцы и киргизы – вынуж-

денные мусульмане, а буряты – вынужденные буддисты. Разве что не «вынужденные», а невольные. География и история сделали за нас выбор, во что верить, а душа и не пыталась спрашивать – приняла готовое. И мы уже и с верой обходимся вполне потребительно, в профилактических целях: с непременно крещением (а вдруг? мало ли?), с картинным венчанием под кинокамеру, с освящением офисов и шестисотых «колесниц». Отчего бы иногда от сытости и не побывать в «бедняках Христа»? Сергей Булгаков вон еще когда, и при более печальных обстоятельствах, уже увидел исток нынешнего недуга: «Ищут нового барина, чтобы устроиться постарому».

«Барин» у нас виден хорошо: руководители страны на Пасху в храме стоят – чего еще? Но ведь Бегбедер не о видимости говорит. Он и сам, поди, по воскресеньям в храм ходит. Нет, тут задето нечто более болезненное, что в начале XX века беспокоило участников наших первых религиозно-философских обществ, мучило С.Н. Дурыйлина, который, уходя в 20-е годы из священства, говорил о «подтаивании христианства». Что тревожило протоиерея Александра Шмемана в

конце XX века и больно задевает искренние умы сегодня, – так уж, коли не кривить душой, формула «Я верую – я тоже нет» известна в определенной степени в разный час каждому честному христианскому сердцу. И если что и злит (простите за детский глагол!), то не сама формула, а таящаяся в ней и жадно принимаемая нами лукавая готовность красиво слаться, потакание себе, выговаривание себе «права» не верить. Чего напрягаться-то, если нас, этих «тоже нет», так много?

Только мать-Церковь и не обещала даровых-то плодов. И с самого начала говорила, что «Царствие Божие силою нудится», и не страшилась слова «нудится», которое так плохо сочетается со светом «Божия Царствия». Но и это Бегбедер знает не хуже нас, потому что рос с Евангелием и под духовным доглядом.

Так чего же я хочу, к чему подступаюсь? А к тому, что я, может быть, еще с месяц назад, да даже и неделю назад не стал бы братья за перо и опровергать горько правого писателя, а тянул да тянул бы свою ляжку, «нудил» Царствие Небесное в своем приходском храме, как многие из нас. Не обманывая себя, но и не теряя надежды, как делают искусственное дыхание недавно вытасченному утопающему (а нас всех «недавно вытасчили»): вдруг при очередном усилии дыхание и схватится...

С неделю назад не стал бы писать. А вот теперь отваживаюсь, потому что нечаянно пережил чувство, которым как-то и грех не поделиться.

Гостил с друзьями у своего товарища под Изборском. Было воскресенье. И хоть встал до литургии и мог бы поспеть на службу к изборскому Николаю, но неудобно было перед спящими – не предупредил. Встанут, а меня нет, – и «свяжу» им день. И пошел себе потихоньку по росной сверкающей траве в солнечных утренних яхонтах, изумрудах и хризопразах за деревню, на давно облюбованный холм за Городищенским озером, напротив крепо-

сти, откуда летом любят пускаться в полет парапланеристы.

Солнышко разыгралось вовсю, паутинки сверкали, даже стрекозки нет-нет да и прочеркивали синеву. Из Малов, от Печорского скита уже звонили к «Достоиню» (там служат пораньше). А я потихоньку карабкался да карабкался вверх, измочив ботинки росой, и читал вслух утреннее правило, будто немного оправдываясь перед Богом, что не в храме, но вот, слышишь, Господи, молюсь. А назад, к Изборску, нарочно не поворачивался, чтобы уж с вершины все сразу увидеть. И как наверху чуть унял сердце и повернулся, так и вспомнил, как часто в минуты восторга перед красотой вырывалось из сердца прямо сразу с пением – так летела душа: «О-о-отче на-аш...» И так ликующе выговаривалось: «Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое», потому что в эти минуты красота и желанность этого Царствия были так очевидны.

А тут я как раз в утреннем правиле к «Верую» подошел. И застыл – так оно само собой пошло говорить, словно и не читалось, а вот тут прямо и рождалось, называя видимое сейчас сердцем.

...Во единого Бога Отца Вседержителя. Творца небу и земли...

Творца вот этого синего высокого неба в веселых воробьях и этой золотой осенней земли в дальних холмах, в седых от росы полях, в уже задеваемых желтизной лесах, которые ведь взяли откуда-то «среди миров, в мерцании светил» в страшной своей красоте. И крепости, раскинувшейся отсюда так вольно, с ее башнями, серебряной главой Николы за стеной, игрушечной Корсунской часовой и угадывающимися за озером Словенскими ключами, – ей тоже находилось естественное место, словно и она вся содержалась в этом «Верую» и тоже была делом Творца неба и земли.

...И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия... рожденна, несотворенна, единосушна Отцу...

Подлинно Сына – такого же небесно-всеобъемлющего, счастливо-утреннего, подлинно предвечного и

единосушного и тоже всегда и сейчас таинственно и явственно всегда содержащегося в этих небесах, полях, диких яблонях, загоревшихся спелыми горячими боками яблок, в речке Сходнице, сияющей зеркальцем в тяжелой оправе камышей.

Как же точны были Святые Отцы первого Вселенского Собора там, в Никее, на берегу тишайшего из озер, когда складывали слово по слову, день за днем этот «Символ», лепили его чутким слухом из своих вод и небес, из своей веры и молитвы, высокого эллинизма, горячих споров и прямых противостояний. Вот где слову возвращалось его небесное значение, его райское имя и Адамова глубина.

...И вочеловечшася...

Тянулась от Труворова креста разноцветная цепочка ранних экскурсантов – издалека будто белее на веревочке под легким ветром. Значит, и в них, вон там, и во мне здесь «вочеловечшася»? Из непостижимой высоты, из того, что до и вне истории, из неподвластной уму вечности и величия – в самую бедную малость, для спасения этой малости. Из Создателя всего – в меня в мокрых ботинках и в то «белее на веревочке». Это было так близко, так горячо, страшно, радостно, тайно и совершенно ясно, что, казалось, и умереть сейчас было бы весело и просто.

... Распятого же за ны... и воскресшаго в третий день...

Да, да, вот, наверное, почему я увидел это утро как в увеличительное стекло, словно оно было первое. Это было утро Воскресения! Простого сегодняшнего календарного воскресенья и на минуту проступившего в нем того – единственного – в *третий день по Писанием*. Как будто природа вскрикнула и засмеялась над смертью и я нечаянно услышал этот радостный смех и за вседневной красотой осеннего утра увидел свет всеобщего Воскресения. И понял, что же это значит – *исповедую едино крещение во оставление грехов*.

Ничто не загородит от безумия мира, от безнадежности и торжества потребления, кроме этого непости-

жимого оружия – единого крещения в живой воде длящегося Творения.

Устанешь, сто раз будешь отчаиваться и стоять на пороге неверия, тысячу раз уступишь соблазнам века и искушениям ставшего религией потребления, но если при этом не поддашься змеиному шепоту хотя бы и всеобщего «я верую – я тоже нет», то непременно увидишь однажды это спасительное, укрепляющее, навек отменяющее сомнения детское утро Воскресения.

И я, почти торопясь, боясь расплескать сердце, зашептал к «аминю». Но я думаю, что, если бы и не договорил «Символа» до *жизни будущего века*, утро простило бы меня, потому что оно уже воскресло во мне и для меня. И, может быть (Господи, прости!), благодаря мне, этой моей и для меня самой неожиданной готовности принять и увидеть родной, привычный, насквозь известный мир в мгновенном свете будущего века.

...Туристы тянулись от Городища за весело бегущей впереди собачкой, словно она вела их всех на веревочке, кружились над озером утки, ища места поукромнее, день разгорался. Уже из чьего-то окна хватил бодрый «Маяк». Век готовился диктовать Бегбедеру новые скептические страницы, но мне уже не хотелось соглашаться с ним даже и в очевидном.

Все правда, да не все Истина.

Верую, Господи, помоги моему неверию.

Псков

Фото Виктора Ахломова

СКРЕПЫ

Слово лукавое да не произносят уста твои: виноград не производит терния.

Авва Иперехий

Ружье с гвоздя революции О трагедии послеоктябрьской России: допросы, показания, документы

Убиение праведников в Бутове. Икона

Действующие лица: священники Русской Православной Церкви
Исполнители: следователи НКВД, «свидетели обвинения»

9 октября 1937 года. Арест

Из постановления об аресте священника Николая Касаткина. Среди окружающих занимается контрреволюционной агитацией против Сов. власти и коммунистов, распространяет клеветнические слухи по вопросу войны, высказывал сожаление о известных к.-р.-террористах. Кроме этого группирует вокруг себя верующий актив, снабжает население книгами религиозного характера с портретами царей и генералов. Для связей с окружающими селами использует бывшую монашку, которая ходила по домам под предлогом стезжки одежды*.

1 ноября 1937 года. Первый допрос

Следователь. В августе 1937 года среди окружающих Вы под флагом религии проводили антисоветскую агитацию, высказывали сожаление об известных контрреволюционерах-террористах. Вы в августе 1937 года среди населения высказывались о свободе религии, причем говорили, что в связи

*Здесь и далее языковые особенности документов полностью сохранены.

Чехов говорил, что если в первом действии спектакля на стене висит ружье, то в последнем акте оно непременно должно выстрелить. Ружье, сдернутое с гвоздя революции в октябре 1917 года, не умолкало четверть века. А эхо его выстрелов звучит и по сей день.

Долгие годы считалось, что клирик храма иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине Николай Касаткин был расстрелян на Бутовском полигоне под Москвой вместе с другими священномучениками – архимандритом Амвросием (Астаховым) и иереем Василием Лихаревым. В действительности, арестованный в 1937 году, он был приговорен к десяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере. Но это лишь историческое уточнение. Суть – глубже. Она в том, что эхо тех выстрелов и правда еще живет.

с утверждениями Конституции вам, духовенству, можно свободнее выходить в народ. Следствию известно, что в сентябре 1937 года вы говорили о возможности войны с Советским Союзом какой-нибудь капиталистической страны, при этом высказывали клевету по адресу правительства Советского Союза.

Отец Николай Касаткин. Нет, я этого не подтверждаю.

Следователь. Установлено, что Вы организовали у себя в доме библиотеку, из которой раздавали окружающему населению религиозную литературу, а также и старые дореволюционные журналы.

Отец Николай Касаткин. Да, действительно, я имел в доме и раздавал ближайшим соседям книги религиозного характера и художественную литературу.

Свидетель по делу. Попа Касаткина Н.А. я знаю с 1929 года, когда он стал служить в Ховринской церкви. О его антисоветской деятельности скажу, что он, используя религию, организовал у себя дома сборище общества религиозных. К нему приходят также и попы, как-то: поп из с. Аксиньино Румянцев Виктор, поп Лихарев Василий, манашка Серафима. Также члены церковного совета Лисицын и Иванов. Особенно это наблюдается за последнее время... Мне известно, что Касаткин явно враждебно настроен к существующему строю Советской власти, как, например, используя советскую печать, газеты, в сентябре 1937 года Касаткин, читая газету у меня в доме о вопросе Испанских событий, заявил: «Не дай Бог у нас будет война, ведь

определенно мы погибнем как мухи с голоду. Тот хлеб, который собирает правительство, он пойдет для армии и их самих, а колхозники и рабочие ничего не получают». Также говорил, призывая к необходимости просить Бога во избежание войны: «Молитесь, один Бог может спасти человечество».

Следователь. Предлагаем Вам еще вспомнить факты антисоветской деятельности попа Касаткина, а также Лихарева, Румянцева и манашки Серафимы.

Свидетель по делу. Мне известно, что в связи с наступающими выборами в Верховный совет, вся эта группа пытается сколотить вокруг себя активных верующих, и поэтому используют манашку Серафиму – посылают ее по домам, которая под флагом религии проводит антисоветскую деятельность. При этом заявили: «Христиане, помните, что всякая власть от Бога, а поэтому Бога не забывайте». Этим они агитируют верующих за то, чтобы последние в момент выборов поддерживали богатеев, бывших кулаков.

Свидетельница (домохозяйка, из мещан). К о. Николаю еще заглаживал бывший поп Алексей Владимирович, который был выслан за 101-й километр, где работал счетоводом. Очень заметно, что попы стали почему-то активизироваться и группироваться. (И слово в слово повторила показания предыдущего свидетеля об Испанских событиях, и о Конституции, и о выходе в народ с религией).

Свидетель (из рабочих). Отец Николай является руководителем контрреволюционной группы, состоящей

исключительно из духовенства и верующих, а именно: попа Виктора Румянцева, попа Василия Лихарева, Астахова, который в церкви не служит, а лишь проживает, без определенных занятий, отбывал ссылку, а также бывшая монашка Серафима и поп из Москвы под предлогом служения в церкви, в сентябре арестованный органами НКВД. Также с ним имел связь поп Яцек... Эта к.р. группа попов сильно активизировалась в Аксиньинском кусту, под флагом религии вербует к себе бывших торговцев и кулаков. На службу в церковь, где служит Румянцев, организуется паломничество из ряда районов, приезжают темные личности, привозят калек, слепцов и т.п., после службы группами демонстративно провожают попа Лихарева и Румянцева до квартиры. Кроме того, к попам Лихареву, Румянцеву приезжала прошлой, 1936 г., осенью из Ленинграда какая-то неизвестная гражданка, которая что-то выписывала из церковных книг, врученных ей лично попом Лихаревым... Я также знаю, что попы имеют связь с бывшим штабс-капитаном царской армии Шпонкиным Николаем Сергеевичем, который проживает в Москве и работает там же на Кузнецком мосту, дом 19, инспектором управления шоссе-инженерных грунтовых дорог.

Свидетель (до революции служащий духовной консистории, затем диакон, с 1921 года совслужащий). Он очень часто приставал ко мне с требованием идти служить к нему в церковь, а после моего категорического отказа стал ко мне хуже относиться и стал избегать встречи со мной. Я уговаривал бросить службу в церкви и как я уйти на советскую службу, честно работать и этим реабилитировать себя как бывшего служителя культа. Он на это мне сказал с ехидной улыбкой: «Без меня хватит там работников. Мне трудно переходить на другую работу». С этого времени как раз Касаткин изменил в худшую сторону отношение ко мне и стал видеть во мне врага. Я уже сказал, что не считаю случайными сборища у Касаткина.

Следователь. Не считаете ли Вы, что здесь имеет место группа церковников, которая ведет антисоветскую подрывную работу, и если да, то кого Вы считаете главным организатором ее и вдохновителем?

Свидетель (бывший диакон). Я так именно и думаю, но жалею, что не могу показать следствию более конкретных фактов проявления антисоветской работы. Считаю, что Касаткин является организатором и сколачивает свой актив для подрывной работы. Не является случайным и то, что в церковь стало ходить больше народа.

16 ноября 1937 года. Второй допрос

Следователь. Расскажите о своем социальном положении.

Отец Николай Касаткин. Происхожу я из семьи служителя религиозного культа, отец был дьяконом. Я сам, по окончании Московской Духовной Семинарии, с 1907 по 1913 год был учителем Городского училища, с 1913 по 1927 год служил в с. Ново-Никольском Ленинского района священником. С 1927 года по день ареста – священником церкви с. Ховрино Красногорского района Московской области.

Следователь. Признаете себя виновным в антисоветской агитации?

Отец Николай Касаткин. Нет, не признаю.

Из обвинительного заключения. Касаткин Н.С., проживая в Ховрино, среди окружающего населения под флагом религии вел антисоветскую агитацию, высказывал клеветнические измышления по адресу членов правительства сов. власти, также высказывал сожаление о врагах народа. У себя в доме организовал библиотеку, из которой выдавал антисоветскую литературу религиозного характера, а также старые дореволюционные журналы. В феврале месяце 1937 года Касаткин высказывал среди окружающих сожаление об известных контрреволюционерах-террористах, при этом говорил: «Жаль таких людей, ни за что расстреляли». В августе 1937 года Касаткин по вопросу Сталинской Конституции заявил: «Ну, теперь нам, духовенству, будет свободнее выходить с религией в народ». В сентябре месяце Касаткин распространял провокационные слухи о войне: «Не дай Бог будет война с СССР, все мы погибнем с голоду. Тот хлеб, который собирают, пойдет для армии и правительства, а колхозники и рабочие ничего не получат и погибнут с голоду

как мухи». В 1936 – 1937 годах квартиру Касаткина посещали бродячие бесприходные служители культа, которых Касаткин группировал вокруг себя. Он же открыл на дому у себя библиотеку, из которой выдавал народу книги религиозного характера, старые журналы с портретами царей и т.д., используя это как место антисоветской деятельности. Будучи допрошен в качестве обвиняемого, Касаткин Н.С. виновным себя не признал, но уличается полностью показаниями свидетелей.

17 ноября 1937 года. Заседание Тройки при Управлении НКВД Московской области

Из решения Тройки. Заключение в исправтрудлагерь сроком на десять лет.

А теперь переведем дух. Рабочий, домохозяйка, диакон. Откуда в их головах весь этот бред?! А следователь? А пресловутая энкавэдэшная тройка? Кто наделил их правом судить без суда? Ладно бы уголовники и бандиты, ухватившие древко революции, но большинство – те, кого называют *простым народом*, те, кто не с чужих слов, сам знал нужду и несправедливость, они-то чего ради покатали красное колесо? А ведь все с православным крестом ходили.

Если бы с такой скоростью праведные дела вершились... Месяца не прошло с ареста, а приговор уже отштампован. Десять годков – как отдать. Иных, правда, за те же дни или даже быстрее – к стенке, но десять лет советского исправтрудлагеря тоже далеко не каждому понести.

Отец Николай Касаткин отбывал срок в Амурлаге, который подчинялся ГУЛАГ НКВД. Именно там и тогда начиналась будущая гордость советской страны – Байкало-Амурская магистраль, БАМ.

Кормили в лагерях строго дифференцированно. Работающие получали в день от 500 граммов до килограмма хлеба и суп из соленой или мороженой рыбы, иногда из капусты. Неработающие – 300 граммов хлеба без супа. Одежда – ношенные валенки, кирзовые сапоги и телогрейки.

Летом – жара с вездесущим гнусом и мошкаррой. Зимой – жестокий мороз с

ветром. Возраст и болезни в расчет не принимались.

По форме это было письмо-обращение заключенного Касаткина Генеральному прокурору СССР, по сути – крик измученной души и вопль несчастного, изморожденного тела.

По постановлению Московской тройки НКВД я заключен в Амурлаг на 10 лет за политическую агитацию, которую якобы вел в дер. Ховрино, где занимал должность священника при местной церкви... В проповедях я обращался к прихожанам и касался исключительно евангельских событий, рассматривая их с точки зрения исповедуемой мною религией. К советской власти я относился вполне лояльно, веря, что «нет власти, аще не от Бога», значит, никакой вины перед властью нет и заключение в лагерь явилось для меня полной неожиданностью и абсолютно мною не заслужено... Мне 54 года. В лагере я уже около полутора года. Отбываю наказание не за вину перед советской властью, а за беду, что был священником. Сейчас я стар и стал инвалидом (III категория – 25%). Никакой угрозы для власти я, немощный старик, не составляю, и в лучшие мои годы не составлял. Никаких попыток свергнуть советский строй я никогда и в мыслях не обнаруживал, желая лишь остаток жизни спокойно провести с тяжело больной, оставшейся без единственного человека (детей у нас нет), неизвестно на чьем попечении женой. Обращаюсь к Вам, гражданин прокурор, с просьбой рассмотреть мое дело по существу. Возвратите меня к больной жене, нуждающейся в моей помощи, освободите меня из столь незаслуженного заключения, и я горячо и неизменно буду благодарен власти, которая на своем (**нрзб.**) несет великий лозунг правды и справедливости постоянной заботы о живом человеке. К священнослужению я не возвращусь и остаток жизни проживу с женой честным советским гражданином.

*З/к Касаткин Николай Сергеевич.
1 апреля 1939 года.*

*Мой адрес: Дальний Восток,
ст. Большой Невер Амурской
ж.д., п/о Тында, 1 отд. Амурской
ж.д. лага НКВД, 62 комн.*

Даже в художественном фильме ГУЛАГ выглядит страшно. Каково же было в реальности...

Может быть, среди этих крестов земная юдоль и отца Николая Касаткина

15 июля 1939 года

Дело о. Николая Касаткина было пересмотрено. Вновь допросили «свидетелей обвинения», которые подтвердили ранее данные показания «целиком и полностью».

Постановили: решение тройки УНКВД МО от 17.XI. – 37 оставить в силе.

В январе 1941 года на строительных объектах лагеря работало более 62 тысяч человек, в том числе 52 тысячи заключенных. Священника Касаткина среди них не было. «Пятого февраля 1940 года Касаткин Н.С. умер от крупозного воспаления правого легкого, сведениями о месте захоро-

нения не располагаем», – сообщили из Информационного центра УВД по Амурской области. Фотографии о. Николая Касаткина в лагерном деле не оказалось.

19 ноября 1996 года

Из заключения прокуратуры Московской области. «По своему содержанию, характеру и направленности высказывания Касаткина Н.С. состава преступления, предусмотренного ст. 58 – 10 УК РСФСР не образуют. На основании Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» Касаткин Николай Сергеевич подлежит реабилитации».

Увы, посмертно.

Св. Антоний Великий

Св. ап. Архип, св. ап. Филипп,
св. мчц. Апфия

Воскресение Христово

Сквозь Лик Богородицы

У образа, который вы видите перед собой, уже своя история, хоть он не из древних. Сегодня Тихвинская икона Божией Матери осталась в доме одна. Без его хозяев. Семь лет назад отсюда ушла в жизнь вечную известная киноактриса Клара Лучко. А совсем недавно (12 марта исполнилось 40 дней) за ней последовал муж – не менее известный в своих кругах журналист-известинец и общественный деятель Дмитрий Мамлеев. Икону подарили ему по случаю юбилея, и с тех пор она стала самой дорогой святыней их дома. Она словно вобрала в себя любовь и тепло этой удивительной пары, можно сказать, благословила Дмитрия Федоровича на дальнейшее служение памяти его жены. И, действительно: все семь лет, что они провели врозь, Мамлеев жил только одним – свято хранил и щедро дарил всем память о своей Кларе.

На задней стенке киота написано: *Изготовитель – «Торжокские золо-*

тошвеи». Лицевое золотное шитье, вышивка жемчугом, ручная работа. Подле иконы, в другом киоте, лист красивой, плотной бумаги с надписанием: Сертификат на коллекционное художественное изделие. Ассоциация «Народные художественные промыслы России» гарантирует подлинность и качество изделий народного прикладного искусства, представленных в центрах «Русский подарок». И – удостоверяющая печать.

На втором этаже Национального культурного центра «Русский подарок» можно увидеть немало интересных изделий церковно-прикладного промысла. Есть там и реставрационная мастерская, умельцы которой работают в тесном контакте с Реставрационным центром Грабаря. Так что Сертификат качества, выдаваемый вам при покупке, это не рекламный ход, а ответственное поручительство.

Приходите: Москва, ул. Зорге, 9а, стр. 2 • Звоните: 8 (495) 223-4545

Читайте: www.td-nhp.ru

Тихая грусть на родине адмирала*

Мне приходилось бывать в Бурнакове, на родине великого русского флотоводца и святого Феодора Ушакова, беседовать с местными жителями. Летом от трассы туда можно легко добраться пешком. Зимой попасть в деревеньку гораздо сложнее. Неужели историческая память тоже зависит от состояния дорог?

ЕСЛИ СТОИТ НА ПЕСКЕ...

К сожалению, от родового дома Ушаковых в Бурнакове не осталось и следа. Простоял он до 50-х годов прошлого века, а затем был разрушен местными жителями: под домом оказался хороший песок. Но память об Ушакове хранится в народных легендах, преданиях. Из поколения в поколение передаются рассказы о том, что здесь когда-то была усадьба Ушаковых, и лес поблизости с Бурнаковым называют Ушаковским, и поле тоже именуют Ушаковским. Со всем недавно я услышала легенду об Ушаковском дубе. По преданию, посажен он был самим адмиралом. И вот однажды летом в дерево ударила молния. Одна из ветвей загорелась и упала на угол дома. Возгорание быстро потушили, а разгневанный хозяин дома спилил дуб. Житель деревни не пове-

рил, что дуб был посажен самим Ушаковым, не поверил и в то, что адмирал родился в Бурнакове. Мол, в такой глуши адмиралы не рождаются. А дуб ведь вполне мог быть посажен самим Феодором Ушаковым. Став уже известным флотоводцем, он не раз бывал на своей родине, навещал своих родственников. Да к тому же и дуб для рода Ушаковых очень многое значит, ведь это дерево изображено на их гербе. Он представляет собой щит, по сторонам которого два воина, держащие в руках копьё. На щите, вверху, изображена княжеская шапка, в нижней части, в голубом и золотом полях, – символ крепости и силы, дуб о двух кронах, сквозь которые видны устремленные влево две серебряные стрелы. Щит увенчан дворянским шлемом и короною.

Увы, многие земляки до сих пор не знают, где родился адмирал. А если знают, почему же не проложат в Бурнаково хорошую дорогу, не возродят усадьбу флотоводца, да и само захиревшее сельцо?

КОГДА И ГДЕ РОДИЛСЯ УШАКОВ?

Точные дата и место рождения будущего адмирала стали известны совсем недавно, в 1990 году, благодаря исследованиям его земляков – Анны Дмитриевны и Владимира Дмитриевича Овчинниковых. К изучению биографии и флотоводческого наследия адмирала обращались многие известные историки – Александр Висковатов, Феодосий Веселаго, Евгений Арнс, Ростислав Скаловский, Евгений Тарле... Наиболее сложным оказалось выяснить, когда и где родился Феодор Ушаков. Многие считали, что в деревне Алексеевка Темниковского уезда Тамбовской губернии (ныне это в Мордовии).

Дело в том, последние годы Феодор Ушаков провел в Алексеевке, в Санаксарском монастыре. Отсюда и легенда, поскольку после смерти адмирала никаких документов на сей счет не осталось.

В 50-х годах XX века писатель-маринист Георгий Шторм приоткрыл завесу таинственности. В Центральном

* В предыдущем номере «Лампады» был напечатан очерк Валерия Ганичева об адмирале Ушакове, о его заслугах перед Грецией, о том, как память о русском святом берегу в этой стране.

государственном историческом архиве была найдена подлинная родословная Ушаковых, где отмечалось, что за ними состоит сельцо Бурнаково Романовского уезда Ярославской губернии. Штурм обнаружил также «Скаску Феодора Ушакова», где есть ссылка на Романовский уезд как на место жительства Ушаковых. Но и находка Штурма была воспринята лишь как предположение автора. И только Овчинниковым удалось поставить точку.

Анна Дмитриевна, основательница школьного музея в селе Ермаково Рыбинского района, и ее сын Владимир Дмитриевич (в то время он был курсантом Высшего Севастопольского военно-морского училища) занялись исследованиями в конце 70-х годов прошлого века. Искали в архивах, в библиотеках Ярославля, Рыбинска, Саранска, Москвы, Симферополя, Николаева, Ростова, Севастополя. За десять лет кое-что прояснилось. В Рыбинском филиале Государственного архива Ярославской области удалось найти «Исповедальные ведомости церкви Богоявления-на-Острове Романовского уезда». В них сохранилась запись за 1756 год о посещении храма десятилетним Феодором Ушаковым вместе с отцом Феодором Игнатьевичем, матерью Параскевой Никитичной, братьями Степаном и Иваном, сестрой Дарьей, дедом Игнатием Васильевичем и другими его детьми с семьями. В архиве обнаружили документы о дворянском роде Ушаковых и была найдена копия заповестания адмирала. А в 1990 году Овчинниковы начали работать с документами Ростовского филиала областного архива. Нашлась метрическая книга церкви Богоявления-на-Острове с записью даты и места рождения – 13 февраля 1745 года, сельцо Бурнаково. Сам адмирал

никогда не забывал родные места, наезжал в Бурнаково. Странно, что у людей оказалась такая короткая память. Ведь родину Феодору Ушакову вернули из забвения спустя 245 лет после того, как он родился...

ЗАСТЫЛИ В ОЖИДАНИИ ХРАМЫ ХОПЫЛЕВА

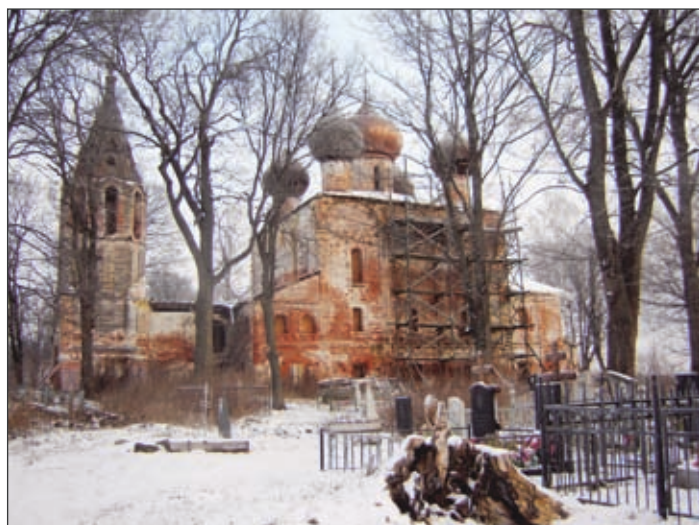
Поздней осенью 2011 года, когда мела поземка и дороги обледенели, не удалось добраться до деревни, где родился адмирал. Доехали лишь до соседней – Петряево, словно вымершей, – ни единой живой души. А за нею – бездорожье, нет даже тропинки к Бурнакову. Так что наш путь – в село Хопылево, в храм Богоявления-на-Острове, где Федю Ушакова крестили.

Свернув с большака, идем по едва заметной колее. Мой спутник отмечает следы – вот заяц пробежал, вот лисица, человека – не видно. Все ближе Хопылево. Показалась застывшая Волга с островом посередине. На минуту выглянуло солнце. Какая щемящая, берущая за душу красота... Серебристо-жемчужные тона. Лед, снег, иней на высокой замерзшей траве и одиноких деревьях. Просторы такие, что дух захватывает. Высоко в небе пролетел ворон, издавая громкий, трубный, тревожный звук. И стало как-то совсем печально. А вот за старыми раскидистыми деревьями показался и храм. Дома вокруг вроде добротные, не развалюхи. Но нигде не вьется дымок из труб, не топится печь. Ни собака не залает, ни петух не прокукарекает. Жутковатое, безжизненное пространство вокруг храмов. Их здесь два. Богоявленский и еще церковь во имя святого благоверного князя Александра Невского. Рядом – большое кладбище. Видны и совсем недавние захоронения.

Когда-то это село на левом берегу Волги имело другое, очень красивое название – Богоявленские острова, поскольку неподалеку находился Богоявленский Островской монастырь. Когда и кем была основана обитель, доподлинно неизвестно, но впервые она упоминается уже в XV веке. По преданию, монастырь сперва находился на острове посреди Волги. Позднее был перенесен на левый берег. К концу XVII века в обители возвели величественный каменный Богоявленский собор, в традициях золотого для ярославского зодчества века. Строительство храма завершено в 1701 году. Богоявленский Островской монастырь был средоточием духовной жизни окрестных сел. Именно здесь дворяне Ушаковы крестили своих детей. В 1718 году здесь был крещен сын Игнатия и Ирины Ушаковых, нареченный Иоанном, который стал величайшим молитвенником земли Русской – преподобным Феодором Санакарским. А в 1745 году здесь крестили его племянника, ныне святого праведного воина Феодора Ушакова.

В 1764 году Екатерина II отбирает у монастырей их земли, и сотни небольших обителей разоряются и закрываются. Такая участь постигла и Островскую обитель, а монастырский храм стал сельской церковью, приход которой содержал две школы, церковно-приходское попечительство и пожарную дружину. В 1910–1914 годах была построена новая, зимняя церковь – во имя св. Александра Невского. Сейчас от этого многострадального храма остались только стены. Печальная участь постигла и Богоявленский собор: разрушены кровля, частично северная галерея, купола, уничтожен четырехъярусный иконостас.

В 2004 году Архиерейский собор Русской Православной Церкви при-

Недостает лишь таблички: «Охраняется государством»

Богоявленскому собору быть или не быть? Вот в чем вопрос

числил наших земляков – преподобного Феодора Санакарского (Ушакова) и адмирала Российского флота Феодора Ушакова к лику святых. В Хопылеве был создан приход, который возглавил протоиерей Игорь Петров. Началось восстановление Богоявленского собора. Укреплен фундамент церкви, сделана временная крыша. В прошлом году на средства Министерства культуры заменен главный купол храма. Теперь он покрыт медью. Трудились плотники и мастера-кровельщики из Москвы. Но работы еще непочатый край. Нужна надежная кровля, необходимо укрепить стены, по которым пошли огромные трещины. Государственное финансирование идет трудно и крайне медленно. Храм св. Александра Невского и вовсе в полном запустении. Столичные реставраторы уехали, средства на восстановление в минувшем году не выделялись.

Да, родина великого и святого адмирала возвращается из забвения, но до чего же трудно и медленно!

ПРИТЧА О ЛЕПТЕ ЖИВА И СЕГОДНЯ

Стараниями протоиерея Игоря Петрова в течение нескольких лет в Хопылеве проводятся Ушаковские сборы военно-патриотических клубов. В минувшем году, в день памяти святого, 15 октября, в Рыбинск приезжали член Совета ветеранов Военно-морского флота, контр-адмирал Александр Александрович Кибкало и писатель-маринист, капитан первого ранга в запасе Николай Андреевич Черкашин. Они предложили создать в родных местах Ушакова Центр реабилитации ветеранов военной службы. Но это в перспективе. А что нужно сделать сейчас, чтобы восстановить храмы?

Александр Кибкало считает: «Чтобы уберечь от разрушения все, что сделано в храме, нужно возобновить в Хопылеве монашескую обитель. При храме должны постоянно жить люди».

Прав контр-адмирал! Это понимаешь, когда видишь безжизненное пространство у двух полуразрушенных храмов. Летом здесь обитают только дачники. Но что с них взять – народ временный.

А места на родине Феодора Ушакова удивительные – для отдохновения, для молитвы...

Подходим к Волге. На высоком ее берегу установлен памятный знак в честь святого адмирала – крест в обрамлении якоря. Его хорошо видно с реки. К знаку ведет лестница, выложенная камнями. Адмиральская лестница, называют ее ребята – участники Ушаковских сборов. Хочется, чтобы привела она к осознанию того, как необходимо нам, живущим, сохранить это место, эту шемящую, берущую за душу красоту. Что же нужно для этого? Единение или почти забытое – соборность.

Здесь, в Хопылеве, мне вспомнились дни, которые я провела в Санакарском монастыре в 2001 году. Мне посчастливилось участвовать в историческом событии – акте прославления святого праведного воина Феодора Ушакова, адмирала флота Российского, которого русский народ называет непобедимым. Сюда приехали около десяти тысяч паломников со всей России.

Вот так и теперь надо объединяться для возрождения наших святынь. Вот так же, под православными хоругвями, вспомнив слова, запечатленные на иконе святого праведного воина Феодора Ушакова, на свитке, который он держит в правой руке: «Не отчаивайтесь! Сии грозные бури обратятся к славе России». А ведь многие моряки совсем недавно узнали, что Феодор Ушаков родился на Ярославской земле.

Совет ветеранов военно-морского флота начал сбор средств для возрождения родины прославленного адмирала, святого праведного воина. Внесем и мы свою лепту.

ЯРОСЛАВЛЬ – ХОПЫЛЕВО

Местная религиозная организация Приход храма Богоявления-на-Острове деревни Хопылево Рыбинского муниципального района Ярославской области Ярославской и Ростовской Епархии Русской Православной Церкви

Адрес: Россия, 152964 Ярославская область, Рыбинский район, Назаровское сельское поселение, деревня Хопылево.

Почтовый адрес: Россия, 152925 Ярославская область, город Рыбинск, улица Расторгуева, 6-68. Телефон/факс (4855) 22-24-71, 8-903-690-37-77

Банковские реквизиты для денежных пожертвований:

**р/с 40703810090010286601 в Рыбинском филиале ОАО «Промсвязьбанк»
к/с 30101810800000000707 в ГРКЦ ГУ Банка России по Ярославской области, город Ярославль, БИК 047888707 ИНН/КПП 7610079639/761001001**

Обо всех жертвователях здесь будут молиться.

Что же стало с нашей памятью?..

Якорь – символ спасения. Может быть, и от забвения тоже?

Анастасия Ступаченко

Да сбудется воля Господня!

В нынешнем апреле исполняется 150 лет со дня рождения Петра Аркадьевича Столыпина, выдающегося государственного деятеля, реформатора и патриота, человека глубокой православной веры.

Имя Столыпина и его деятельность всегда вызывали споры. Но его признавали все: его единомышленники, сподвижники, явные и тайные враги. Он пришел к власти в очень сложный период. Тяжелое поражение России в войне с Японией, кризис власти, экономический хаос, падение общественной морали, разгул преступности, политический террор, массовое неповиновение – вот основные штрихи к тогдашней обстановке. Историческая заслуга великого реформатора заключается в том, что он гораздо прозорливее других увидел основные причины столь бедственного положения России, а главное, сумел предложить и во многом осуществить грандиозные планы ее преобразования, обеспечившие всестороннее и стремительное развитие страны.

Столыпин происходил из древнего дворянского рода, который впервые упоминается в XVI веке. Его дед дослужился до чина генерал-адъютанта, как и его отец, герой Севастополя, который к тому же был обер-камергером. А двоюродная тетка вышла замуж за Юрия Лермонтова, так что великий русский поэт Михаил Юрьевич Лермонтов и будущий глава царского правительства Петр Аркадьевич Столыпин состояли в родстве. Мать принадлежала к древнему роду, идущему от русского святого мученика князя Михаила Черниговского, похороненного в Свято-Архангельском соборе Московского Кремля.

Патриотически настроенная и религиозная семья Столыпиных исправно посещала Божий храм, приглашала священника на крестины и другие православные обряды. Как человек, воспитанный в духе Православия, в традициях благоговейного отношения к семье, Отечеству и любви к людям, Столыпин постоянно бывал в расположенной рядом с губернаторским домом Свято-Александро-Невской церкви. «Каждое утро, – признавался он впоследствии своим друзьям, – творю молитву и смотрю на предстоящий день как на последний в жизни...»

Петр Аркадьевич не отказался в свое время стать членом Православного братства и попечителем Кедайнской Преображенской церкви. После случившегося там пожара добился государственного финансирования для ее восстановления. Он устроил прекрасную церковно-приходскую школу, снабдив ее дорогими пособиями для внешкольного просвещения. Столыпин видел в западно-русском духовенстве, ввиду его особого исторического положения в многонациональном крае, не только сословие, предназначенное для служения при храме и отправления таинств. Оно было обязано нести государственную и общественную службу, влияя на православное население.

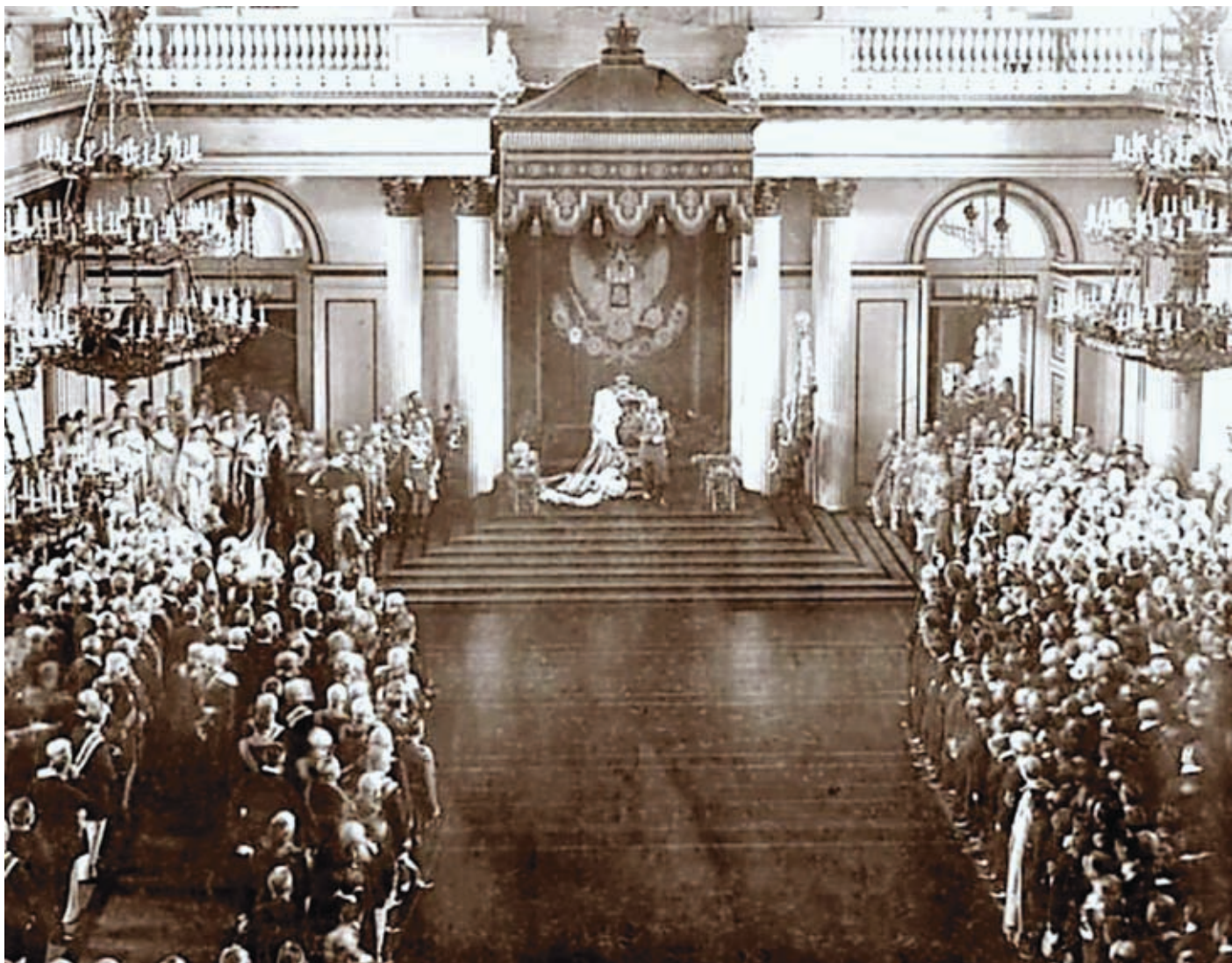
По представлениям П.А. Столыпина, священники должны быть в крае как бы культурными представителями народа, охранителями русских национальных интересов... Важное место в своей программе Петр Аркадьевич отводил и вероисповедному вопросу. В его «пакет» входил ряд законопроектов, призванных облегчить положение старообрядцев и насильственно обращенных в православие униатов. Отмена дискриминационных ограничений, установленных для христианских, но не православных церквей, разрешение перехода из православия в другие христианские конфессии, облегчение смешанных браков – все это должно было смягчить остроту религиозной борьбы и придать более правовой, современный характер государственному строю России.

Не только в истории России, но и в мировой истории немного найдется имен, равных масштабу его личности. На него было совершено одиннадцать покушений. Последнее – в августе 1911-го, в Киеве...

П.А. Столыпин и его идейный предшественник С.Ю. Витте были наиболее яркими представителями реформаторски настроенного крыла власти. С.Ю. Витте принадлежит заслуга создания и проведения указа от 17 апреля 1905 года «Об укреплении начал веротерпимости», составившего законодательную основу вероисповедных реформ в России. П.А. Столыпин выступил с инициативой принятия старообрядческого закона от 17 октября 1906 года, законодательной разработки большого числа вероисповедных законопроектов для представления в Думу. При Столыпине впервые было налажено относительно продуктивное взаимодействие правительства и Думы в законотворческой работе по вероисповедному вопросу.

Исторически сложилось так, что в начале XX века духовная жизнь 150-миллионного населения России регулировалась законодательством, относящимся большей частью к XVIII – началу XIX столетий. Под воздействием сложившейся в начале XX века общественно-политической ситуации правительство вынуждено было приступить к реформированию вероисповедных отношений в России. Появление указа от 17 апреля 1905 года «Об укреплении начал веротерпимости» стало первой вехой на этом пути. Указ существенно изменил – либерализовал – правовой статус иноверных исповеданий. Однако его неоднозначно восприняли российская элита и руководство Православной Церкви. Витте вынужден был оставить свой пост.

В январе 1907 года партия кадетов обнародовала программу по «церковному вопросу». Считая, что проблема очень важна и может «оказать влияние на все стороны государственного устройства и управления», Столыпин представил Совету министров свои соображения: 1) «право каждого лица заявлять свою веру и убеждать не принадлежащих к ней к принятию исповедуемого им учения, если уголовные

27 апреля 1906 года. Санкт-Петербург, Таврический дворец. Молебен перед началом заседания Государственной думы России первого созыва

законы не нарушаются содержанием исповедания»; 2) «право лиц, которые имеют одни и те же религиозные воззрения, составлять религиозные собрания для совместного отправления богослужения и образовывать религиозные союзы»; 3) «право каждого лица как самому беспрепятственно переходить из одного вероучения в другое, так и менять исповедание своих не достигших определенного возраста детей»; 4) «невмешательство государственной власти в духовные отношения частных лиц к исповедуемому ими вероучению и отсутствие каких-либо ограничений, политических или гражданских, в зависимости исключительно от принадлежности к какому-либо исповеданию». Столыпин понимал, что такое возможно в православном государстве лишь после решения многих вопросов внутри самой церкви. Одним

из наиболее острых было признание «внеисповедного состояния граждан». С одной стороны, для Столыпина и его сотрудников было ясно, что «нет более нежелательного элемента в государстве, чем подданные без религии», поскольку «такие лица легче всего являются благодарной почвой для зарождения всякого рода смуты и беззакония». Однако они понимали и другое: все западные государства, провозгласившие свободу совести, допускают существование граждан, не исповедующих определенной религии. Россия, если хотела полностью и до конца решить этот вопрос, должна была последовать тем же самым путем.

В феврале 1907 года открылись заседания Государственной думы второго созыва. Шестого марта 1907 года П.А. Столыпин, представляя во Вторую думу вероисповедные законопроекты,

сделал заявление о необходимости расширить и законодательно закрепить основы свободы совести. При этом председатель Совета министров специально остановился и на особых отношениях с Православной Церковью, имеющей с государством «многовековую связь». Столыпин полагал, что именно эта связь обязывала правительство положить в основу всех законов о свободе совести начала христианского государства, в котором «Православная Церковь, как господствующая, пользуется данью особого уважения и особой со стороны государства охраной». Премьер-министр заявил о призвании власти оберегать полную свободу внутреннего управления и устройства Церкви. Следовательно, речь шла о праве Церкви самой определять, требует или нет изменений ее собственное управление. При этом, однако, указывалось, что «права и

преимущества Православной Церкви не могут и не должны нарушать прав других исповеданий и вероучений».

Второй думе, как и Первой, из-за их досрочного роспуска не пришлось обсуждать ни один из законопроектов. К этому удалось приступить лишь Третьей государственной думе. Там предполагалось рассмотреть законопроекты, которые облегчили бы переход из православия в другое (в том числе и нехристианское) исповедание, расширение прав старообрядческих общин, гарантировали бы сохранение гражданских прав после снятия священнического сана.

Главная проблема, с которой пришлось столкнуться Столыпину, состояла в том, чтобы увязать юридически закрепленное первенство Православной Церкви с возможностью осуществить идеи свободы совести. Это был путь серьезных компромиссов. Окончательно это стало ясно после речи П.А. Столыпина, с которой он выступил в Думе 22 мая 1909 года при обсуждении законопроекта о свободе перехода из одного исповедания в другое. В своем выступлении по законопроекту премьер-министр неожиданно предложил признать право перехода граждан в любое исповедание, но не оформлять его законодательно, называя это «уступкой народному духу». «Неужели, – говорил премьер-министр, – для того, чтобы дать нескольким десяткам лиц, уже безнаказанно отпавшим от христианства, почитаемым церковью заблудшими, дать им возможность открыто порвать с церковью, неужели для этого необходимо вписать в скрижали нашего законодательства начало, равнозначное в глазах обывателей уравниванию православных христиан с нехристианами? Народ наш усерден к церкви и веротерпим, но веротерпимость не есть еще равнодушие...»

Свою речь Столыпин закончил словами: «Вы видели, как истово молится наш русский народ, вы не могли не осязать атмосферы накопившегося молитвенного чувства, вы не могли не сознавать, что раздававшиеся в церкви слова для молящегося люда – слова божественные. И народ, ищущий утешения в молитве, поймет, конечно, что за веру, за молитву каждого по своему обряду – закон не карает. Но этот же народ не уразумет закона, закона чисто вывесочного характера, который провозгласит, что Православие, христианство уравнивается с язычеством, еврейством, магометанством... Наша за-

дача не состоит в том, чтобы приспособить Православие к отвлеченной теории свободы совести, а в том, чтобы зажечь свечот вероисповедной свободы совести в пределах нашего Русского Православного государства. Не отягощайте же наш законопроект чуждым, непонятным наряду привеском. Помните, что вероисповедный закон будет действовать в Русском государстве и что утверждать его будет Русский Царь...» Позиция Столыпина, естественно, вызвала критику.

Во всех своих начинаниях П.А. Столыпин был непреклонен: «Я буду продолжать свое дело. Да сбудется воля Господня». Он так горячо и глубоко любил Россию, а в деле любви, как говорил апостол и евангелист Иоанн, «несть страха». И бесстрашие Столыпина вытекало из этого настроения, которым он жил, поэтому он мог так смело и бесстрашно смотреть в глаза опасности. Вот его слова: «Я верю в Бога и знаю на верное, что все, мне предназначенное, я совершу несмотря ни на какие препятствия, а чего не назначено – не сделаю ни при каких ухищрениях. Я верю в Россию. Если бы я не имел этой веры, я бы не в состоянии был ничего делать». Просвещенный политик, талантливый администратор, грамотный экономист и юрист, Столыпин с удивительной верой и трудоспособностью отдавал все силы государственному строительству. В течение многих лет он нес тяжкий крест государственного служения, невзирая ни на какие трудности и испытания, до самой смерти помня о высокой ответственности и христианском долге перед своими ближними.

В течение тех лет, что П.А. Столыпин стоял во главе правительства, государственная работа шла очень плодотворно, несмотря на те трудности, которые имели место в губерниях. В вопросах самоуправления в западных губерниях России П.А. Столыпин неуклонно защищал исторические и государственные права России и Православной Церкви. Он подчеркивал, что «Верховная власть является хранительницей идеи русского государства, она олицетворяет собой ее силу и цельность, и, если быть России, то лишь при условии всех сынов ее оберегать и укреплять эту власть...» Столыпина волновало лишь одно: успеет ли? Об одном молил Бога: дай двадцать лет внутреннего и внешнего покоя, и Россия станет неуязвимой в веках. Ему оставалось жить пять лет...

ИЗ СТОЛЫПИНА

Лишь обдуманное и твердое проведение в жизнь высшими законодательными учреждениями новых начал государственного строя поведет к успокоению и возрождению великой нашей родины.

Народ сильный и могущественный не может быть народом бездеятельным.

Родина требует себе служения настолько жертвенно чистого, что малейшая мысль о личной выгоде омрачает душу и парализует свою работу.

Чего у нас вообще недостает в России: твердой и ясной воли, а такую коллективную непреодолимую волю может проявить, конечно, только закон.

Нужно снять те оковы, которые наложены на крестьянство, и дать ему возможность самому избрать тот способ пользования землей, который наиболее его устраивает.

Каждое утро, когда я просыпаюсь и творю молитву, я смотрю на предстоящий день как на последний в жизни и готовлюсь выполнить все свои обязанности, уже устремляя взор в вечность. А вечером, когда я опять возвращаюсь в свою комнату, то говорю себе, что должен благодарить Бога за лишний дарованный мне день. Это единственное следствие моего постоянного сознания близости смерти как расплаты за свои убеждения. И порой я ясно чувствую, что должен наступить день, когда замысел убийцы наконец удался.

СКРЕПЫ

Каждый человек должен употребить во благо данный ему талант. Ведь Бог, наделивший человека каким-либо дарованием, потребует от него отчета.

*Старец
Паисий Святогорец*

Ах, повилика!

Не было на всем садово-огородном участке растения более сильного и цепкого, чем вьюн. К кому бы он ни приближался, ни для кого это ничем хорошим не кончалось. Растение попадало в крепкие объятия ловкого вьюна и начисто лишалось свободы. Увы! Таковы были плоды вьюновой «дружбы».

Но вот увидел молодой вьюнок повилику – тонкую, нежную, совсем какую-то воздушную. Даже корень, которым она соединялась с землей, был настолько незаметным, что трудно было поверить, будто она питается через него, а не воздухом. Очаровательна была повилика!

Вела себя она скромно и почти незаметно: потихоньку стелилась по земле, никого не задевая и никому не навязываясь. Только лишь вздыхала иногда тоненьким голоском, обращаясь к соседнему растению:

– Ах! Какой ты, вьюнок, сильный и красивый! До чего же зелены твои листочки и как хороши на тебе белорозовые колокольчики!

И голос ее проникал прямо в душу юному растению. Невозможно было остаться равнодушным, и сердце вьюнка стало тянуться к необыкновенной повилике.

Полубил вьюн повилику, хотя сам себе в этом еще не признавался. Тем более ей. Они виделись уже несколько дней и неизменно восхищались друг другом. Весна набирала силу, все ярче светило солнце, пробуждая к жизни всякую травинку и былинку, питая своими лучами всякую тварь.

Рос на открытом участке сада и подсолнух. Он усиленно тянулся к солнцу, и как только появлялись утром первые его игранья, подсолнух поднимал свою растущую, пока еще величиной с детский кулак голову и подставлял лицо свету.

– Что ты так задираешь нос? – укорял его вьюн. – Никого не видишь, ни с кем не хочешь разговаривать! Ты, видно, никого не любишь!

– Ну что ты, вьюнок, – отвечал подсолнух. – Любить – это наше предназначение. Но чтобы любить какое-нибудь растение или даже красивый цветок, надо сначала по-настоящему полюбить солнце. Ведь только оно дает нам силы на жизнь и делает нашу любовь правильной.

– Подумаешь, солнце! – фыркнул вьюн. – Оно далеко и светит само собой.

За что его любить? А вот те, кто рядом... Посмотри, как хороша, как нежна повилика!..

– Повилика, несомненно, хороша! – согласился подсолнух. – Но нельзя любить земное, не любя небесное, – и в первую очередь солнце.

Вьюн вполуха слушал своего рослого соседа, поскольку тот никак не хотел разделять его чувства, и спешил к возлюбленной.

Ежедневно, раскрывая лепестки колокольчиков утренним лучам, просыпался вьюн с мыслями о ней, ждал, когда увидит ее и услышит ни с чем не сравнимый голос.

– Ах, вьюнок! Какой сегодня чудесный день! И я так рада тебя видеть, что мне даже не очень важно, светит ли на небе солнце, лишь бы видеть твои вьющиеся стебельки.

– И я рад видеть тебя, повилика. Мне так хочется, чтобы ты всегда была рядом! Я готов цвести для тебя весь день и даже всю ночь.

– Ах! – samozабвенно шептала повилика. – Какой ты хороший! Я без тебя жить не могу!

– И я, – звенел своими бледными колокольчиками вьюнок. – Я тоже без тебя жить не могу. Ты вся такая неземная... Я ничего подобного не встречал за всю свою жизнь, начиная с самой ранней весны.

Вьюнок протянул свои молодые листочки повилике, и она нежно обвилась вокруг его стебелька. А он, потеряв от счастья голову, обвился вокруг повилики.

Теперь вьюнок, просыпаясь утром, мог любоваться своей ненаглядной. Они были теперь всегда вместе: их объятия, как и сама их жизнь, были неразоторжимы.

Земля прогрелась и стала сухой. Повилика все сильнее прижималась своими изящными присосками к стеблю вьюна, и даже корешок, который связывал ее с землей, пересох и оборвался. Она полностью стала неземной, и вся ее жизнь отныне зависела от вьюна.

– Ах! – томно вздыхала она. – Я жить без тебя не могу!

– Я всегда буду с тобой, повилика, – заверял ее вьюн, – ты можешь положиться на меня. Моя любовь сделает тебя счастливой!

– Ах! – шептала повилика своему возлюбленному. – Как хорошо мне с тобой! А тебе?

– И мне с тобой хорошо, повилика! – с жаром соглашался вьюн и старался вобрать из почвы как можно больше соков, чтобы хватило на двоих.

Вьюн щедро дарил свои жизненные силы повилике, которая все крепче и крепче впивалась присосками в его стебель. Когда накрапывал летний дождик, а в особенности после обильной грозы, этих сил хватало. Но как только наступала засуха, вьюну приходилось очень тяжело.

– Ах! – горько вздыхала повилика. – Ты меня совсем не любишь.

– Люблю, – вяло, будто оправдываясь, говорил вьюн. – Просто...

И чтобы доказать свою любовь, старался отдать ей все жизненные соки. Он углублялся корнями в землю, высасывал из нее последнюю влагу и питал свою возлюбленную. Лишь бы ей было хорошо, только бы она не увяла. Повилика расцветала, разрасталась и уже обвивала не только своего вьюна, но и рядом растущие, совсем молоденькие и сочные побеги вьюнков.

– Что же ты? – ревновал ее вьюн. – Я целыми днями стараюсь для тебя, выживаю из последних сил, а ты...

– Ах, мне не хватает твоего внимания, – оправдывалась повилика, – ты стал какой-то безразличным. Я тебя уже не интересую, тебя не вдохновляет моя любовь.

– Повилика! Я изо всех сил стараюсь обеспечить твоё благополучие. Но ты ненасытна. У меня не получается и жизнь твою сделать интересной, и весь день с любовью на тебя смотреть.

– А вот у этих прелестных вьюнков, – показывала повилика на молодые побеги, в которые она уже впилась своими присосками, – хватает. И ты лучше не ворчи.

– Может, я тебе совсем не нужен? Пожалуйста, я тебя не держу. Оставь меня в покое и наслаждайся жизнью с юнцами-вьюнками.

– Ах, что ты! Ты же знаешь, как я люблю тебя! Я жить без тебя не могу.

Вьюн потихоньку оттаивал, вспоминал раннюю весну, когда он был одинок и ждал любви. Вспоминал счастливые дни, когда обрел ее... Хороша была повилика! Вся такая тонкая, изящная!.. Но воспоминаниями долго сыт не будешь. Действительность требовала новых усилий и решительных шагов. Да и повилика

ка ждала их. Она ведь без них жить не могла.

– Обратись к солнцу! – уговаривал изнемогающего вьюна подсолнух. – Оторвись хоть ненадолго от своей повилики. Ваша зависимость друг от друга закончится плачевно. Нельзя жить, не получая сил от солнца!

– Пока я буду пялиться на твое солнце, повилика найдет себе другого... Я докажу ей, что лучше меня для нее никого нет.

– Ты опять только про нее! Взгляни на солнце, погрейся в его ласковых лучах. Почувствуй его любовь, и тогда у тебя появятся силы любить повилику.

– Твое солнце нисколько не питает, а наоборот, только сушит землю. Ты же вымахал и стал таким дылдой уж никак не благодаря солнцу. Если бы не было под тобой плодородного слоя и питательных дождей, твой ствол не был бы таким толстым и мясистым, а вся твоя голова – усеянной вкусными семечками.

– Плодородная земля тоже нужна. И вода, несомненно, тоже. Но без солнца, без его жизнеподательных лучей и земля не сможет ничего родить, и вода не может помочь ей в этом.

Легкий ветерок перебирал золотистые лепестки подсолнуха, делая его еще более живым и похожим на маленькое солнышко. Повилика давно уже засматривалась на него и даже пыталась подружиться с ним. Однако все ее попытки обвить его массивный ствол заканчивались неудачей. Обвить-то получалось, а присосаться и пить жизненные соки – никак.

– Фу, толстокожий! – возмутилась повилика и отступилась от него.

А подсолнух всюду тянулся к солнцу и просто-напросто не замечал ее «ухаживаний».

Вьюн же, сколько ни старался, больше, чем ему было отведено земной природой, дать не мог. Большинство его некогда звонких колокольчиков еще в разгаре лета окончательно засохло, а те, что еще бледнели на ярком фоне зеленеющей повилики, роняли на землю последние семена. Следующей весной новые молодые вьюнки будут украшать землю и ждать любви, играя бело-розовыми колокольцами. А ему оставалось...

Повилика, ловко извиваясь, освободилась от безвременно засохшего вьюна, приблизилась к плодоносящему крыжовнику и воскликнула:

– Ах! Какой ты пышный и красивый! Как налились твои янтарно-зеленые ягодки!..

Фото монахини Софронии (Алексеевой)

ОБ АВТОРЕ

Родился в г. Горьком (теперь вновь Нижний Новгород) в 1953 году.

Окончил там университет. Работал в НИИ, преподавал в институте. С начала 1990-х годов в Церкви. Принял монашеский постриг, и в 1994 году был рукоположен в сан иеромонаха. С 1998 года настоятель Воскресенского монастыря Ермолинской пустыни. В 2005 году вышла книга сказок «Кухарка короля». Также написаны книги о преподобном Леонтии Михайловском «Святой источник» и «Свеча горящая» – о Серафиме Саровском.

Души нетленная прозрачность Блаженная Ксения русской поэзии

*О препростая образом жития своего, бездомная на земли,
наследнице же обителей Отца Небесного, блаженная страннице Ксении!*

Из молитвы ко святой блаженной
Ксении Петербургской

Есть в русской литературе XX века поэты, будто прикрытые от нас с какой-то высшей целью. Прикасаясь к их судьбам, обнаруживаешь крайнюю скупость биографических фактов. Этому поначалу огорчаешься, но потом что-то подсказывает: это не забвение, а завеса. Облако тайны. И оно говорит сердцу больше, чем горы фактов.

Сто лет назад, в январе 1912 года, в сердцевине России, на Урале, в селе Ирбитские Вершины (ныне поселок Алтынай Сухоложского района Свердловской области) родилась поэт Ксения Александровна Некрасова.

Вскоре в сельском Рождественском храме девочку крестили и назвали согласно святцам в память преподобной Ксении – святой, жившей в Риме в далеком V веке.

В этот день (24 января по старому стилю, или 6 февраля по новому) на богослужениях в храмах читают из Евангелия от Луки: «И Он, возведя очи Свои на учеников Своих, говорил: Блаженны нищие духом, ибо ваше есть Царство Божие» (6:20).

С 1988 года в этот день отмечается и память столь почитаемой ныне блаженной Ксении Петербургской.

Что знала девочка из уральского села о петербургской юродивой, жившей на рубеже XVIII и XIX веков, и знала ли вообще? Наверное, сегодня это уже не так и важно. А важно и поразительно другое: в жизни поэта Ксении Некрасовой чудесным образом проступило житие блаженной Ксении Петербургской. Причем не только о совпадениях в судьбах речь, а о духовном родстве.

Статьи о Ксении Петербургской начинаются обычно со слов: «Документальные сведения о ее жизни отсутствуют...» Так же начинаются и статьи о Ксении Некрасовой. Исследователь ее творчества пишет: «Несмотря на то, что Ксения жила сравнительно недавно и умерла в пятидесятые годы прошлого столетия, само существование ее имеет очень мало фактических доказательств... Не сохранилось объективных описаний внешности Ксении (удивительно, учитывая, что она жила в эпоху фотографии)».

Приход в мир большого поэта всегда определен замыслом Творца. Чаше

всего этот сокровенный замысел скрыт от нас, но в случае с Ксенией Некрасовой он – как на ладони. Детство Ксении Некрасовой пришлось на Первую мировую войну и революцию, отрочество – на гражданскую и коллективизацию, юность – на самые богоборческие годы. И вот, когда люди забыли двух святых Ксений, приходит третья Ксения, являя собой «смирение, нестяжание и вольную нищету». И зовут современники Ксению Некрасову так же, как и ее предшественниц: «странная», «ненормальная», «юродивая», «блаженная»...

Всю жизнь она искала в людях образ Божий. Ее стихи – как фонарь, который поэт подносит к нашему лицу. Буквы, словно белесые мотыльки, выются вокруг огня. Вокруг любви.

Одно из первых ее детских воспоминаний связано с приходом в лесной скит. Там, в храме, полным народу, ее поднимает на руки священник. Она плывет в воздухе и видит сверху море человеческих глаз.

О себе она говорила с кротостью: «Сама лишь лепечу несложными словами».

Мне думается: этим лепетом, осмеянным людьми, утешался Господь. «Дабы нетленная прозрачность в словах светлела, как роса...»

Удивительно читать воспоминания о ней. Многим казалось, что Ксения Некрасова являлась ниоткуда и уходила в никуда. Никто не знал, чем она жива и где ночует. Изведав все кручины, она оставалась доверчива, как котенок.

Слабая и болезненная (иногда она не могла самостоятельно застегнуть пальто или завязать платок), она читала свои стихи так, что прохожие замирали, пораженные. «Ксюша голосом сельской пророчицы // Запричитала свои стихи...» (Борис Слуцкий)

Она не умела заискивать и более любого начальства почитала москов-

ских дворничих, называя их в стихах – «метельщицы».

Она не знала украшений. Драгоценностями были для нее вода и хлеб. Лакомством – сухари, которые она обмакивала в постное масло и запивала кипятком.

Образы ее стихов казались слишком простыми и наивными. Почерк – детским. А она входила в тишину сердца, как в заброшенный дом.

*В доме бабушки моей
печка русская – медведицей,
с ярко-красной душой –
помогает людям жить:
хлебы печь,
да щи варить,
да за печкой
и на печке
сказки милые таить.*

За полгода до начала Отечественной войны предчувствовала ее и писала о своих однокурсниках по Литинституту:

*...Но лебеди покинут белый дом,
последний крик
с плывущих облаков
прощальной песней
ляжет на крыльцо...*

Она прожила на свете сорок шесть лет, и до конца жизни ее звали по имени. Ксения, Ксюша, Ксенечка... Звук осеннего ветра в крыльях птицы. Вскрик зимнего крыльца. Рассеянный свет звезд в одиноком деревенском окне.

И все-таки: что же известно о происхождении Ксении Некрасовой? О папе и маме – ничего. Говорят, что ее приемные родители были сельскими учителями. По другим сведениям – отец служил подьячим на Ирбитских ярмарках. Сама же Ксения писала, что он был горным инженером, ведь село, где она родилась, было необычным – шахтерским. Его жители добывали антрацит.

Гражданская война, судя по всему, рассеяла ее приемную семью. Самой родной она считала деревенскую печь и потом в стихах писала о ней как о живом существе.

Она смутно вспоминала, что во время какой-то детской болезни глаза ей надолго закрывали темной повязкой (возможно, у малышки была «куриная слепота» – следствие острого авитаминоза). Лишенная возможности видеть, она слышала то, чего не слышали взрослые.

*...Где-то скрипка тонко,
как биение крови,
без слов улетала с земли.
И падали в траву
со стуком яблоки.
И резко
вскрикивали
птицы в полусне.*

Когда девочку вынесли весной на улицу и сняли повязку, она открыла глаза и увидела небо. «Я не знала еще, что это небо. Огромный воздух, наполненный синевой, был... без единого звука... Голубое пространство, теплое и мягкое, прикоснулось ко мне своей поверхностью, и от этого прикосновения мне было очень хорошо и радостно... Так я впервые познакомилась с первым предметом на земле – НЕБОМ...»

Так открылось ее удивительное поэтическое зрение, свойственное лишь большим художникам.

*А я недавно молоко пила –
козье –
под сочно-рыжей липой
в осенний полдень.
Огромный синий воздух
гудел под ударами солнца,
а под ногами шуршала трава,
а между землею
и небом – я,
и кружка моя молока...*

Начальную школу Ксения закончила в Шадринске, где жила ее тетя, семилетка – в Ирбите.

Каждый, кто занимается изучением творчества Ксении Некрасовой, сталкива-

ется с тем, что любой факт из ее биографии добывается с немалым трудом. Иногда складывается впечатление, что она жила в какой-то «параллельной реальности».

Вспоминаю, что впервые я услышал о Ксении Некрасовой тридцать лет назад, в 1982 году. Тогда моя мама, в ту пору редактор литературно-драматической редакции Свердловского телевидения, несколько месяцев собирала материал для передачи к 70-летию Ксении Некрасовой. Передача прошла по местному телевидению. Через несколько дней мама получила письмо от Веры Владимировны Прокопьевой: «Я смотрела Вашу передачу „Антология уральской поэзии. Ксения Некрасова“. Дело в том, что она училась со мной в одном классе в Ирбитской школе второй ступени. Выпуск этого класса был в 1929 году. То, что это была именно она, я не сомневаюсь. Она была очень странной девочкой – “не от мира сего”. Очень увлекалась стихами. Собственно, больше ни о чем и не говорила. У меня есть фотография нашего выпуска... Но найти ее там я не могла, все-таки прошло очень много времени. Больше я, к сожалению, ничего вспомнить не могу. Очень жаль, что так тяжело сложилась ее судьба...»

Вера Владимировна прислала маме старый снимок, и, разглядывая его, мы узнали Ксению в крайней слева девушке в клетчатом платье с книгой на коленях. Потом мама выяснила, что после школы Ксения поступила в педучилище. Из архива города Ирбита сообщили: «Просмотрели фонд “Ирбитское школьное

педучилище”. Нашли, что Некрасовой Ксении Александровне... выдан документ 16.04.1930 г. Эта запись найдена в Списках окончивших педтехникум (училище) за 1931–1932 г. (фонд 343, опись 4, ед. хр. 4). Значит, можно сделать вывод, что Некрасова Ксения училища не закончила, выбыла или закончила экстерном. Но об этом никаких сведений нет...»

Выяснилось, что, проучившись в техникуме всего несколько месяцев, Ксения заболела энцефалитом. Несколько лет не могла ни учиться, ни работать, зато сочиняла стихи и много читала.

В 1937 году стихи Ксении опубликовал журнал «Октябрь», и она поступила в Литературный институт в Москве. Болезнь продолжала преследовать ее. Однокурсник Некрасовой поэт Николай Глазков вспоминал, что зимой после лекций Ксения не могла сама одеться и друзья помогали ей – «застегивали пуговицы, шарф повязывали и шли к памятнику Пушкину, где она читала стихи».

Жить ей было не на что. Когда болезнь отпустила, Ксения шила кукол, а Глазков продавал их на базаре.

*Судьба дала мне
в руки ремесло.
Я научилась
куклы делать на продажу...
И бросила в сердечный угол,
и опечатала печатью слез
я Божий дар
из вышних слов...*

В конце 1930-х годов Ксения встретила Сергея Высотского, работавшего горным инженером на одной из шахт Подмосковского угольного бассейна.

*И встретились двое вместе,
и легче обоим дышать,
и легче дорогу к счастью
среди множества троп искать.
Иль просто вечером тихим
в теплой сиреновой мгле
сидеть где-нибудь на дороге
и руку держать в руке.*

Родился сын Тарас. Тут началась война. Немцы быстро продвигались к Москве. Чтобы шахты не достались врагу, их взрывали, а шахтеров вместе с частью оборудования и семьями отправляли в эвакуацию. По дороге эшелон бомбили, Ксению контузило. Через несколько недель поезд прибыл в шахтерский городок Сулюкта, на северных отрогах Туркестанского хребта.

Нищета, голод, непривычный климат, эпидемия малярии... Зимой умер Тарасик.

Сергей, милый, забудь о вещах, которые у нас были, и без них проживем, не умрем <...> Сергей, почему ты ничего не пишешь о себе. Где ты сейчас. Как живешь. Сергей, береги себя и жди. Вызов будет, будь спокоен. Будем опять вместе жить, поедем на Украину. А люди есть очень и очень хорошие <...>

Вещи чепуха, не в вещах жизнь. Ну, будь здоров, целую тебя, мой Сереженька. Меньше обращай внимания на мелочи. Быт и мелочь едят человека <...> Вот если бы ты был со мной, мне было бы очень хорошо.

Перешагивай, Сереженька, мелочи жизни. Будь духом крепче и выше людей <...> Ты помощник сам себе, а не посторонние люди.

Верь в себя, в свой ум, в свои силы. И все будет хорошо.

Ксения».

Сергей так и не вернулся из Средней Азии, следы его на земле затерялись...

Ксения, как и многие в то время, часто ходила на рынок – продать что-то из своих поделок, обменять какую-то вещь на продукты или просто приткнуться где-то в уголке и посмотреть на людей. Она очень любила смотреть на лица прохожих. Читала лица, как дети читают любимые книги. Иногда перед ней разворачивалась житейская сценка, и она тут же запечатлевала ее в стихах. Вот мальчишка пришел продавать скворчонка – ну кто его купит? Конечно, никому птенец не нужен, но мальчишке, может, хоть чья-то ласка перепадет или краюшка хлеба. И вот народ собрался вокруг птенца пернатого и птенца человеческого.

Из стихотворения, датированного 19–23 сентября 1945 года:

*...Мальчишка достал
из корзинки скворца.
Птица округлое сизое веко
содвинула вверх.
Таинственны птичьи глаза
как неоткрытые законы.
Комочки пуховой жизни
умиляют детей и взрослых,
даже бродяга
шабалками рук
тянется из толпы,
стараясь коснуться
взъерошенных перьев.
Значит, есть у людей добро.*

Всю жизнь она изумлялась совершенству Божьего мира и до слез огорчалась тем, что среди такой красоты люди уму-

дряются совершать дурные и подлые поступки, тиранят друг друга и природу.

«Здесь люди жить должны, // как созревенье лета хороши. // И отрицать нельзя, // хотя на вид // сограждане суровы, // еще косноязычны сердцем мы // и много чувств не названо словами...»

*О, сердце у людей, живущих здесь,
должно оно любезным быть
от этих зим.
Прозрачным быть оно должно,
и совесть белую, как снег,
нести в себе...*

Это, может быть, странно, но, читая стихи Ксении Некрасовой, вспоминаешь прозу Андрея Платонова. Кажется, они были родственные души. Возможно, встречались, но свидетельств этому я не нашел.

*Лежали пашины под снегами...
Казалось, детская рука
нарисовала избы углем
на гребне белого холма,
полоску узкую зари
от клюквы соком провела,
снега мерцаньем оживила
и тени синькой положила.*

Вообще, к какой поэзии, к какой словесности она стремилась? Кто были ее учителя в литературе? Кто был ей близок среди поэтов ее поколения? Трудно найти ответы на эти вопросы, ведь интервью у нее не брали, к трибунам не подпускали, статей не заказывали. Впрочем, сохранились ее письма к руководству страны, где она ясно излагает свои взгляды.

Из письма заведующему секретариатом Сталина А.Н. Поскребышеву, 1952 год: «...И вот 1948 год, меня перестали печатать, объясняя свой отказ, что стихи, написанные белым стихом, будут непонятны массам. Что стихи, написанные в форме белого стиха, больше относятся к буржуазным, т.е. к декадентской западной литературе, а не к нашей простой действительности.

Что ж, по мысли редакторов, что десятилетия в креслах сиднем сидят, советские

люди, создающие тончайшие в мире машины и аппараты, понимающие атомную физику, в искусстве – помелом крестятся, а щи лаптем хлебают. И не поймут белого стиха. Которым еще в Киевской Руси «Слово о полку Игореве» написано. И былины о богатырях передавались в народе из поколения в поколение, а странники молитвы, и сказания, и сказки, и акафисты сказывали на Руси тоже белым стихом... некоторые литературные деятели не ощущают почвы, из которой родилась русская поэзия, и связи нашей поэзии с этой почвой, поэтому и размахивают багряными карандашами, вырубая вместе с осиною и благородные деревья белых стихов. Яркость чувств, сердечность, необыкновенность построения фразы, все, что присуще Русскому стиху, что его делает превосходным и блистательным – все это выпалывается, как сорняк, редакторами, критиками...»

Писала она, по совету знакомых, и Сталину, но ответа ни разу не получила.

*...А я
Как нищая
пред собором вниманий,
за подающим сердца
протягиваю ладони.*

Жить было нечем. Когда она была одна, то как-то справлялась, но в 1951 году у Ксении родился сын.

Только в декабре 1955 года вышла в свет первая книга Некрасовой – тоненький сборник «Ночь на баштане». В нем было всего одиннадцать стихотворений. Ксения посвятила книжку «сыну моему Кириюшеньке».

А Кирилл, пока его мама обивала пороги, жил в детском доме. Наконец Некрасовой удалось получить комнату в коммунальной квартире. Но пожить с сыном в обретенном жилье не успела – 16 февраля 1958 года Ксения Некрасова умерла от инфаркта. Случилось это в подъезде, на лестнице.

Бездомная, она оставила нам свой дом. Он – в ее стихах. Заходите в Ксениину книжку, и будет вам хорошо. И будет у вас дом.

*Вы, читатель, право, не стесняйтесь,
чувствуйте себя как дома.
С вашей стороны чудесно,
что в такой метельный вечер
навестить зашли...
Проходите и садитесь к печке.
А чтоб вой трубы
не беспокоил сердце,
я вам сказку расскажу сейчас...*

Дмитрий Шеваров

Елена Прекрасная

Когда под Новый год в Москве выпал первый большой снег и тьма расступилась, в Третьяковской галерее открылась выставка Елены Дмитриевны Поленовой – первая за сто лет! Все

Она была первой из русских художниц, чьи работы были приобретены П.М. Третьяковым для своей галереи.

Е.Д. Поленова создала свой стиль в искусстве, узнаваемый во всех ее произведениях – в мебели и керамике, в живописи и книжной графике, в театральных костюмах и вышивках, в росписях храмов.

В 1889–1894 годах Елена Дмитриевна украсила цветочным орнаментом интерьер церкви женского ремесленного училища в г. Кологриве Костромской губернии, участвовала в росписи храма в с. Екимцево близ Кологрива. Создала три керамических образа для церкви Воскресения Христова и часовни в имении Ольшанка Тамбовской губернии, а для храма Спаса Нерукотворного в Абрамцево – образ «Князь Феодор с сыновьями».

Увы, мало кто знает, что отечественная детская литература началась с двух замечательных художниц – Елизаветы Бём и Елены Поленовой. В 1881 году Бём выпустила «Сказку о репке», а в 1889 году вышла «Война грибов» Поленовой. Это были первые в России книги, где всё – от шрифта до иллюстраций – было продумано с учетом детского восприятия. До этого книги для малышей привозили к нам в основном из Англии.

Александр Николаевич Бенуа писал о работе Елены Поленовой: «Она, нежный, чуткий и истинно добрый человек, проникла в этот замкнутый, столь у нас заброшенный детский мир, угадала его своеобразную эстетику... Ряд ее иллюстраций к детским сказкам производит очаровательное впечатление благодаря совершенно особым краскам, наивному и искреннему замыслу... глубокому пониманию детского мирозерцания».

Поленова вернула русское книжное искусство к древнерусскому пониманию орнамента, где он – не рама

Портрет Елены Поленовой работы Ильи Остроухова. 1884

эти годы имя и творчество удивительной художницы-новатора оставались в тени славы ее знаменитого старшего брата Василия. А ведь очень многое в русской культуре началось именно с нее!

для основного изображения, но ключевой содержательный мотив. Обложка Поленовой к книге русских народных сказок и прибауток – это не петушки и зайчики, а завораживающий растительный орнамент, чудодерево, оплетенное фантастическими белыми цветами.

«Детскость» книги была для нее не в упрощении и не в приспособле-

Вехи жизни и творчества*

15 (27) ноября 1850. Родилась в Санкт-Петербурге в дворянской семье. Двое из пятерых детей – Елена и Василий – стали выдающимися русскими художниками.

1859–1861. Получает первые профессиональные уроки рисунка у П.П. Чистякова.

1870. Поездка в Париж.

1873. Преподает в Киеве в школе для детей служащих Института благородных девиц.

1874–75. Поездки за границу с сестрой Верой для ее лечения.

1876. Поступает на Высшие женские педагогические курсы. Помогает сестре вере в составлении детской азбуки.

1877–1878. Во время русско-турецкой войны работает в киевском госпитале. Избрана вице-председателем Общества по оказанию помощи раненым.

1879. Преподает рисование в Петербургской женской гимназии княгини А.А. Оболенской. Организует две мастерские для девочек.

1880. Оканчивает Рисовальную школу по классу керамики с малой и большой серебряными медалями. Первой из русских женщин командирована для изучения керамического дела в Париж. Поступает в акварельный класс Рисовальной школы.

1881. Преподает живопись по фарфору и фаянсу в созданном ею классе майолики.

1882. Переезжает в Москву. Впервые посещает усадьбу Абрамцево.

1884. Совершает поездку по Волге, Дону, на Кавказ и в Крым. П.М. Третьяков покупает две акварели Е.Д. Поленовой.

1885. Собирает вместе с Мамонтовыми предметы крестьянского быта. Организует столярно-резницкую мастерскую в Абрамцево.

1886. Пишет первую жанровую картину маслом «Иконописная XVI столетия». Работу приобретает П.М. Третьяков.

1893. Пишет иконы Спасителя и благоверного князя Феодора для иконостаса церкви в Кологриве.

1894. Пишет картины «Видение Бориса и Глеба воинам кн. Александра Невского» и «Князь Борис перед убиением». Путешествует по Европе.

1897. Совершает поездку во Францию и Италию. Работает для английских журналов. По заказу С.П. Дягилева выполняет рисунок обложки журнала «Мир искусства».

7 (19) ноября 1898. Умерла в Москве. Погребена на Ваганьковском кладбище.

* Составлено по материалам альбома «Е.Д. Поленова. К 160-летию со дня рождения». М., 2011.

нии образов для детского восприятия, а в создании художественной атмосферы, притягательной для ребенка, – таинственной и уютной. Поленовскую линию в детской иллюстрации через полвека продолжит Юрий Васнецов.

На выставку в Третьяковской галерее я захватил нашу семейную реликвию – книжку «Сынко-Филипко». В 1945 году мой дедушка подарил эту книгу на Новый год моей маме, ей было тогда семь лет. В книге утрачена страница с годом издания, и только на выставке я определил, что она вышла в издательстве И.Н. Кнебеля в далеком 1906 году. Получается, что ее читали в детстве четыре или даже пять поколений.

Елена Дмитриевна Поленова увидела изданной всего лишь одну из двадцати оформленных ею народных сказок – «Войну грибов». Написанная ею самой повесть для детей «Приключения укротительницы» вышла в свет лишь в 1930 году.

В детстве Елены Поленовой были и счастье, и печаль, и тайна. Только вот тайн ей, пожалуй, досталось больше, чем другим детям. Она слышала цветы, видела музыку, а когда болела, то чувствовала все происходящее в доме как происходящее в ней самой. «Когда моя мать, – вспоминала художница, – приходила ко мне из столовой, которая находилась через четыре комнаты от моей спальни (и где все двери во всех комнатах были притворены), я ей подробно рассказывала, кто приходил к нам, о чем они разговаривали, что ели – словом, все подробности, запах слышала от кушаний и т. д. Моя мать страшно удивлялась и говорила: “Но как ты все это узнала, ведь ты не встаешь с постели, откуда?..”»

Маленькая девочка боялась своих видений, их необъяснимости. Слава Богу, поправившись, она исцелилась и от столь обременяющих душу способностей. Правда, «цветной слух» Елена сохранила на всю жизнь. Близкие ей люди вспоминали, что «много орнаментов восставали в красках перед ее глазами во время исполнения музыкальных пьес. Слушая совершенно незнакомую музыку, она зарисовывала одно за

другим то, что появлялось ей таким образом...»

Возможно, именно потому, что Елена Поленова имела такую сложную духовную организацию, она любила все самое простое и непритязательное, что есть в природе: полевые цветы, осенний дождь, мокрые крыши, луговые тропинки, лесные озерца...

«Грандиозные виды природы мне не по натуре, – признавалась она в письме, – любоваться, восторгаться ими могу, но, передавая их, остаюсь чересчур спокойной и холодной. Не могу облюбовать их так, как иногда мелочь какую-нибудь, но родную. За душу захватывает одна лишь своя, хорошо знакомая природа, северная или среднероссийская, особенно тогда, когда она выражена в маленьких, ничтожных как будто, но глубоко-поэтических уголках. Это мне близко и дорого...»

Как художница, она очень ценила крестьянскую утварь и многое из народного искусства перенесла в свое творчество.

Еще в 16 лет Елена начала помогать старшей сестре давать уроки в школе. Сейчас на выставке в Третьяковской галерее можно увидеть свидетельство, выданное 8 декабря 1876 года и разрешающее Елене преподавать историю. Каким замечательно торжественным слогом написан этот документ! Вот лишь фрагмент из него: «Елене Дмитриевне Поленовой дозволено принять на себя звание Домашней Учительницы с правом преподавать вышеупомянутый предмет со всеми выгодами и преимуществами, присвоенными означенному званию...»

Елена Дмитриевна преподавала в самых разных учебных заведениях, но, пожалуй, особенно ярко ее педагогические способности проявились при создании Московского товарищества художников и в Абрамцевском художественном кружке, где она стала наставницей целой плеяды молодежи.

Через сорок лет после ухода Елены Дмитриевны, в 1935 году, ее ученик Егише Татевосян написал о художнице благодарные и нежные воспоминания (они впервые публикуются в альбоме, вышедшем к открытию недавно прошедшей выставки): «...Как в морских глубинах жемчуг таится в

невзрачной раковине, так же за некрасивым лицом Елены Дмитриевны скрывалось чуткое сердце: природа справедливо с избытком наградила ее взамен кристаллически чистой душой. Серьезная, строгая Е.Д., как только она с вами начинала говорить, все увлекала. Говорила она просто, неторопливо, умно и красиво. Я не знал женщины умнее. Ее дети любили. Очаровывала она их разговорами. К простым крестьянам так умела подойти, что те, не стесняясь, без принуждений сами рассказывали ей сказки, и она записывала их тут же. Глаза, как две маслины, с нависшими верхними веками (как у Бетховена), выразительно открыто смотрели.

Елена Дмитриевна вела весьма скромный образ жизни: она одевалась в простое черное платье... Никогда ни тени женского кокетства...

После смерти Е.Д. остался капитал. Братья ее разумно распорядились деньгами: на проценты с капитала через каждый год решили посылать за границу молодых художников для ознакомления с западным искусством. Этой стипендией воспользовались я, Богаевский, Фогель, Комаров и другие до 1914 года. Каждый стипендиат обязывался после поездки отдать какую-нибудь из своих работ для организации будущей галереи имени Елены Дмитриевны Поленовой...»

Такой галереи нет до сих пор.

ГДЕ МОЖНО УВИДЕТЬ РАБОТЫ ХУДОЖНИЦЫ

- Государственная Третьяковская галерея
- Государственный Русский музей
- Музей-заповедник «Абрамцево»
- Музей-заповедник «Царицыно»
- Костромской музей-заповедник
- Музей-заповедник Поленова (Тульская область)
- Ярославский художественный музей
- Ульяновский областной художественный музей

①

②

③

④

Собирайтесь вѣланки,
отправляйтесь на войну!
Отказались вѣланки:
мы столбовыя
дворянки,
не идемъ на войну!
Собирайтесь волнишки
отправляйтесь на войну!
Отказались волнишки:
монастырскія мы
слушки,
не идемъ на войну!

① Зимняя ночь. Иллюстрация к сказке «Дед-Мороз»

② Иванушка и летящая Жар-птица.

③ Видение князей Бориса и Глеба воину Пельгусию. 1895

④ Иллюстрация к сказке «Война грибов»

⑤ Детская. 1889

⑥ Иконописная XVI столетия

⑦ Заводъ в Абрамцеве. 1888

⑧ У костра. Иллюстрация к сказке «Сынко-Филипко»

Лидия Графова*

«Ной» приютился под Москвой. Надолго ли?

Бездомные люди, или, как их принято у нас называть обидным словом «бомжи», – тоже своего рода мигранты. По самому главному общему признаку – бездомье. Но, в отличие от мигрантов, которые обычно срываются с корня в поисках лучшей судьбы, у бездомных такой надежды нет. Эти люди как бы выпадают из жизни, живут вне общества, не встречая с его стороны ни поддержки, ни сочувствия. Для государства «бомжи» вообще не существуют (во всяком случае, в нашей стране). Но бывают удивительные случаи, когда ответственность государства за возвращение к жизни этих обездоленных людей берет на себя один вдохновенный верой в Божию помощь подвижник, привлекает других неравнодушных, их доброму делу начинает помогать церковная община, и тогда с «бомжами» начинают происходить чудеса.

Но как же это опасно – обращаться в таких случаях за содействием к государству!

В самый канун Нового года позвонил настоятель храма Космы и Дамиана в Шубине отец Александр Борисов, необычно взволнованный: «Нужно срочно помочь приюту для бездомных. Его могут закрыть». Оказалось, приют организовал прихожанин храма Емельян. «Он олигарх?» – «Что вы, совсем нет. Просто хороший автоинструктор, но эта работа у него для денег, чтоб прокормить семью, а приют для него – дело жизни. Полиции, видимо, не понравилось, что он собрал столько бездомных».

ГЛАВА 1

Впреки ожиданиям, Емельян оказался совсем непохожим на русского молодца (эту ассоциацию вызывает его былинное имя). Интеллигентская бо-

родка, джинсы, да и манеры... Инструкторский древний-предревный «Опель» повизгивает от тяжести даров, пожертвованных храмом. Мешки одежды, продуктов, кульки с памперсами и редкий дар – два ящика свежих яиц: «Неслучайно одному из наших приснилось, что он ест яичницу».

Мы отъезжаем, а у храма остается длинная очередь потенциальных клиентов Емельяна (пока их некуда взять). Это очередь на кормление. Вот уже десять лет в «Косме», как называют прихожане свой храм, по средам и пятницам расставляют накрытые скатертями столы, стулья и подают сытные обеды... «бомжам» (ох, какую отповедь я услышала за это слово от одного волонтера храма).

Именно во время такого обеда в храме Емельяну было позволено

Емельян и его команда

объявить по микрофону об открытии приюта для бездомных. Он, конечно, сказал, что приглашает не всех, а только тех, кто решится начать трезвую трудовую жизнь, 60 процентов зарплаты – в общий котел (на аренду и питание), остальное – на руки. Это сейчас нет отбоя от желающих, а тогда, в сентябре прошлого года, в двухэтажный коттедж, который с великими трудами разыскал под свою рискованную мечту Емельян, вселилась первая партия новоселов из пятых человек. Сейчас здесь живут сорок.

Молва о приюте росла, и все чаще приходилось отказывать. В ноябре было решено арендовать второй дом. Его неожиданно быстро нашли, причем поблизости от первого. Трехэтажный! В отличие от первого, где ковры и хрустальные люстры, этот почти без мебели, но зато дешевле аренда. Всего в приюте обрели дом восемьдесят бездомных.

ГЛАВА 2

Из жалобы Емельяна в прокуратуру Московской области:

«27.12.2011 г. около 20 часов в арендуемый мной частный дом... вошли без разрешения около 10 сотрудников

* Главный редактор журнала «Миграция XXI век», член Правительственной комиссии по миграционной политике. После окончания факультета журналистики МГУ работала в «Комсомольской правде», в «Литературной газете». Автор документальных книг и кинофильмов. С 1990 года вплотную занимается проблемами миграции. Лидер всероссийского общественного движения «Форум переселенческих организаций». Опубликовала более 500 статей в защиту мигрантов. Номинант премии им. А.Д. Сахарова «Журналистика как поступок» (2002), «Лучший журналист-правозащитник года» (2003), лауреат конкурса Союза журналистов России в номинации «За защиту человека» (2004), номинирована от России на Нобелевскую премию мира (2005), лауреат высшей профессиональной премии «Золотое перо России» (2007) и премии Правительства РФ за журналистскую верность правозащитной проблематике (2010).

Сухаревского ОВД Мытищинского района. Они без разрешения и предъявления ордера обошли весь дом, без спроса взяли интересующие их записки и велели всем жильцам следовать с ними в ОВД для установления личности. Забрали 14 человек, среди которых были и те, кто сразу предъявил им паспорта граждан РФ. В ОВД у всех сняли отпечатки пальцев и составили несколько протоколов об административном правонарушении – проживании без регистрации. На мое требование выдать нам копии этих протоколов ответили отказом. Прошу принять меры по незаконному, на мой взгляд, поведению сотрудников Мытищинского УВД».

Доехали мы быстро. «Ной» (приют назвали по ассоциации с Ноевым ковчегом) – всего-то в десяти километрах от МКАД.

На крыльце встречает собака, на просторной кухне у плиты хлопочут женщины, на ступенях лестницы, ведущей на второй этаж, сидит молодой мужчина с младенцем на руках – светится, как Мадонна. Уютный дух домашнего тепла. Но послушаешь их истории...

До сих пор я жила в уверенности, что самые обездоленные в нашем государстве люди – это вынужденные мигранты, гонимые из бывших республик. Они потеряли крышу над головой, все нажитое, прибежали в Россию как на остров спасения, а им здесь не то что жилья, даже гражданства не дают. Живут без элементарных человеческих прав.

А теперь вижу еще более несчастливых.

Аркадьич. Жизнь реальная и виртуальная

Ни дома, ни семьи, к тому же они совершенно лишены сочувствия общества. Чего, мол, жалеть тех, кто по своей вине опустился на дно? Бродячих собак в России жалеют больше, чем бездомных людей, – «собаки, по крайней мере, не пьют».

Отринутость обществом – еще не самое страшное, гораздо страшнее, когда человек теряет всякий интерес к самому себе. Напрочь забывает, что он – человек. Сколько раз я слышала: «Каждый из нас создан по образу и подобию Божию. Совершая недостойные поступки, мы, в сущности, оскорбляем Бога». Слышала и воспринимала как красивую метафору, а тут, вглядываясь в лица обитателей «Ноя» (много хороших, умных лиц, есть со шрамами – сидел, например, в углу новенький со свежерасквашенным жутковатым лицом), осознала известные слова впрямую, и стало больно.

Они называют друг друга *братья и сестры*. «Ной» – Христианско-трудовой центр. «Хотели назвать духовно-восстановительным, но поняли, что не тянем». Фальши Емельян боится, тунейдство – ненавидит. Отбор в приют строгий. Остаются надолго те, кто действительно старается начать новую жизнь. Уставом «Ноя» запрещено:

«Хранить и употреблять наркотические и алкогольные препараты.

Унижать и применять физическое насилие в отношении рядом живущих.

Выходить за территорию центра без согласования с администрацией.

Сквернословить и разговаривать на блатном жаргоне...»

А также записано, что запрещены обман, лукавство и т.д. Эх, легко написать...

Как радовался Емельян, что собралась самоотверженная команда, готовая работать с этими трудными людьми! Одним из учредителей центра стал Сергей У. Представился

Это их первый дом

протестантским пастором, перешедшим в православие. Но скоро сам этот «пастор» стал пить, а накануне Нового года исчез, прихватив 70 тысяч рублей, заработанных ноевцами на стройке.

ГЛАВА 3

Самая насущная забота – найти им всем работу. Ведь за годы абстрактного, так сказать, существования большинство лишилось паспортов. А таких принимают только на черную работу, мало, да и не всегда платят. Поэтому Емельян первым делом старается восстановить их документы. Уже поданы заявления на 22 паспорта. Получен пока один. Емельян хвалит правило, введенное в 2007 году, по которому паспорт РФ можно восстановить в любом месте России. Будут у них паспорта – добудет он им и медицинские полисы. Это тоже теперь реально. «С россиянами мы как-нибудь сами разберемся, но есть же у нас и несколько соотечественников, у которых давно просрочена регистрация, что с ними делать?» К сожалению, ничего утешительного сообщить ему не могу. Здесь закон не знает исключений, а уж исполнители...

У молдаванки Лили и ее гражданского мужа Бахрона (он таджик) пять месяцев назад родился сын Арсений. Во время того обыска 27 декабря полицейские сказали родителям: «Готовьтесь к депортации!» – «А как же

ребенок? На него мы никак не можем получить свидетельство о рождении». Им ответили: «Ребенка без документа на границе не выпустят. Для него место и в России найдется».

...Агнетте 58 лет, ее зовут здесь «бабуня». Ноевцы нашли Агнетту в лесу, где она пряталась от цыган. Эти цыгане привезли ее из закарпатского села, пообещали большие заработки в России, а сами сразу отобрали паспорт и заставили побираться в метро. Она вскоре от них сбежала и теперь незаменимый человек в приюте – по снабжению. Ходит на рынок и не стесняется выбирать в контейнерах подпорченные овощи и фрукты. Туда же супермаркеты выбрасывают хорошее, но просроченное мясо. Покупать мясо за бешеные цены в магазине ноევцам не по средствам. На сайте «Космы» развернулась дискуссия: что ж это такое – кормить людей тухлым мясом, да еще и пост... Емельян жестко ответил: во-первых, просроченные продукты совсем не то же, что испорченные. Во-вторых, напомнил: когда к одному из оптинских старцев пришла деспотичная женщина и дотошно стала спрашивать, чего именно нельзя есть в пост, он сказал: «Людей нельзя есть, а все остальное можно».

ГЛАВА 4

Каждый вечер – беседа на евангельские темы. При мне такую беседу проводил Емельян. О том, как хорошо бывает на душе, когда молишься за обидевших нас. Кажется, его понимали, хотя трудная это тема. Емельян переживает, что некоторые прихожане храма приезжают с «нежизненными»

проповедями и уставшие после работы люди... засыпают: «А ведь как важно – подцепить человека на евангельский крючок».

Раз в неделю – собрание группы анонимных алкоголиков. Ведет ее «наш Аркадьич», он гордится, что сам уже 14 лет «в рот не берет». Аркадьич откликнулся на объявление в Интернете, когда Емельян искал руководителя центра на зарплату в 20 тысяч. Приехал на своей легковушке из-под Питера. И некоторое время руководил вторым домом. Но оказался слишком привередлив к людям: «Гордыня заела. Это великий грех – гордыня». Отстранили его на общем собрании. Не обиделся. Остался помогать другими делами. Смиряет свою гордыню.

В прошлом году они установили закон «пяти шагов». Первый раз напился – штраф тысяча рублей, второй раз – три тысячи и т. д. Только на пятый раз – изгнание. Но эта пошаговость приводила к тому, что срывались многие. С нового года решили ужесточить правила: явился пьяным – сразу прощай. Но ведь человек, привыкший к годам разгульной жизни, может запить и не вернуться. На сайте то и дело мелькают SOS: «У нас пропал паренек. Маленький, коренастый, наверное, башкир. Его могла забрать милиция – документов нет. Могли его даже забить – нерусская внешность, но мог, к сожалению, и напиться. Зовут – Денис. Просим молиться».

«Исчез Максим. Внешне он похож на князя Мышкина...»

«Пропал Леша! Его жена Наташа беременна. Очень нужны ваши молитвы...»

Прихожанка «Космы», некая *мама Тая* (однажды наняла грузовик, чтобы привезти в подарок приюту необходимую мебель, а главное – поддерживает их своими удивительными письмами на сайте), написала на днях: «У меня впечатление, что ваши ребята порой попадают в какую-то параллельную реальность, и вы вылавливаете их оттуда молитвами».

Врач Анастасия шла в приют с опаской, а уходила радостная: «Я увидела людей достойных и желающих вернуться к нормальной жизни, получить свой кусок любви и счастья. Здесь их ждут после работы, здесь они чувствуют, что не одиноки».

ГЛАВА 5

Я была у них 4 января, потом каждый день созванивались: не нагрязнула ли вновь полиция? Было тихо. И с работой глухо. Праздники для приюта – время тяжких испытаний. За это долгое новогодье потеряли, то есть изгнали человек десять сорвавшихся. На каждом кормлении в храме умоляют их принять новых, но, как назло, все эти дни не работала на Курском «прожарка», а брать в чистый дом человека прямоком с улицы – потом от вшей не избавишься.

Страна праздновала, а приют жил под дамокловым мечом страха: разгонят их или не разгонят? Емельян был более спокоен, надеялся, что возымеет действие та его жалоба, и считал, что если будут суды (раз составили протоколы, значит, суды обязательны), удастся победить – слишком уж явные

Денис: «Согрешил я...»

Первую партию отец Сергей своему тезке проиграл

Здесь научили Саню вспоминать и поминать. Хочет уйти в монастырь, вот только выправит документы.

нарушения допустили правоохранители. «Да будет воля Твоя», – написал он на сайте.

Но что все-таки случилось накануне, что могло стать поводом для наезда? – допытывалась я у него. Может быть, кто-то в приюте дебоширил? Вызывали полицию? «Конечно, вызывали, а как же? Если мы сами начнем усмирять пьяного, до рукоприкладства может дойти. Представляете, какая свалка получится? За все время мы раз пять участкового вызывали. Он нам понравился. И с начальником Сухаревского ОВД, казалось, общий язык нашли».

Дождавшись первого рабочего дня, обзваниваю несколько кабинетов полицейских начальников с тем же вопросом: что случилось? Как ни странно, и в полиции тоже не говорят ни о каком особом ЧП. «Просто обычная проверка. Это наша работа». – «Но зачем обыск?» Молчание. В райотделе – сюрприз. Оказывается, налет совершался с самой благой целью: мытищинская полиция вознамерилась помочь благородному делу. При этом одна добрая начальница сетует: «Почему учредитель официально не зарегистрировал приют и сразу же не поставил нас в известность?»

«Да как раз же поставил! – недоумевает Емельян. – Мало того, что с местной полицией постоянно общаюсь, так именно за день до налета послал по электронке письмо начальнику поли-

ции Московской области генералу Головкину с предложением о сотрудничестве в перевоспитании нашего трудного контингента».

Какая наивность: предложение о сотрудничестве – полиции! Так вот она, до смешного простая разгадка: десять полицейских на четырех машинах приезжали, оказывается, устанавливать плодотворные контакты. Да, путем обыска, снятия отпечатков пальцев и составления незаконных протоколов (кстати, протоколы куда-то исчезли).

Но Емельян до сих пор надеется: «Полицейских тоже надо воспитывать. Большинство из них привыкли к взяткам, а мы взятку не даем. Значит, нужны какие-то поощрения от начальства. Наш приют ведь действительно большая обуза». В свою очередь, отец Александр Борисов уверен: «Создание приютов для трудовой реабилитации бездомных – дело, в котором государству просто необходимо сотрудничать с Церковью. От государства требуется дать бесплатные помещения или хотя бы чтобы плата за аренду не была такой мукой, как у Емельяна, а Церковь могла бы взять на себя поиск самоотверженных работников и питание за счет пожертвований».

ГЛАВА 6

Действительно – мука. Сайт то и дело сообщает, что подходит время платить хозяевам, а денег – ноль. Потом вдруг сообщают про чудеса: кто-то пожертвовал, кто-то дал с бессрочной отдачей. Но все равно из-за разных неурядиц и пропаж на совести Емельяна долг в 330 тысяч. Это при том, что он вложил больше 60 тысяч своих. «Отрываете от семьи?» – «Семья у нас сознательная». – «Но трое детей...» –

«Мы выкручиваемся». – «Это не вы, это жена ваша героиня». – «А я не стремлюсь в герои».

На сайте кто-то написал: «Емельян катит и катит в гору свой сизифов камень, а мы стоим внизу и удивляемся: зачем ему это нужно?» Вот и я спросила: зачем? На счастье, мы застряли в пробке, и он разоткровенничался. Было время, когда совершенно потерял смысл жизни, впору руки на себя наложить. Спасло то, что лет восемь назад пришел к вере, а ведь был ярким атеистом. Вдруг понял тогда, что всех желанных целей уже достиг: хорошая семья, квартира, машина, а душа – томится. Поработал в нескольких благотворительных организациях, научился воевать за права других людей. А когда прочел Иоанна Кронштадтского, про его приюты для бездомных, понял: вот она, настоящая мечта. «И, понимаете, было стыдно смотреть на этих людей, когда после вкусного обеда в красивом храме они уходят обратно на улицы и вокзалы, в подъезды и колодцы, под дождь и снег, продолжая влечить свое жалкое существование. Да они же представляют угрозу нам всем».

Имя Емельян было дано при крещении, а официально он Эмиль Сосинский. Бабушка была Эмилия, родители – из Польши. «Вы были в Польше?» – «Нет». – «А где за границей были?» – «Нигде. И совсем не хочется».

Он так и не ответил на мое «зачем». Позже волонтер Ричард (ведет сайт «Ноя» и автор этих снимков) объяснил: «Да он же просто душу свою спасает. Разве непонятно?»

А он покинул этот дом: «Не могу не пить»

Людмила Бутузова

Из жизни единоличника, который однажды взял в руки Библию

За окном резко по-сигналили, потом загудели нахально и непрерывно, не жалея аккумулятора.

— Опять за фазаном явились, — вычислил непрошенных гостей Виктор Киреев и поднялся из-за стола, за которым под кофеек беседовал с корреспондентом о деревенской жизни.

Гости по виду смахивали на свои габаритные иномарки. Киреев тоже не хилый, у него черный пояс по дзюдо. Жаль, что не надел для устрашения. Но они, видать, и сами догадались. Главный в компании неожиданно вежливо попросил:

— Дядь, будь человеком, продай птичку за штуку баксов.

— Да пошел ты! — рассердился Виктор. — Сто раз тебе говорил: фазан — не игрушка.

Покупатели отбыли. Вместе с покупателями уплыла валюта. А ведь много чего полезного для Витиного хозяйства можно купить на тысячу «зеленых».

ФАЗАНЬЕ СЧАСТЬЕ

— Не могу я кому попало раздавать такую птицу, — проигнорировал соблазна Киреев. — У меня сыновья над каждым фазаньим яйцом трясутся. А этим-то что? Потешатся ради прихоти и угробят.

Ясно, богатым самодурам не светит заполучить киреевских фазанчиков. А вот помешанным на птичках любителям — везет. К Виктору целый год ходил мужичок из другой деревни, 20 км сюда, 20 обратно. Трое детей, с колхозной зарплаты на фазана за всю жизнь не насобирать, но хоть смотрел, душу тешил. Подарил ему Киреев самца с самочкой — пусть разводит.

Виктор тоже начинал хозяйство с пары золотых фазанов. Между прочим, был в еще худшем положении, последнюю рубашку с себя снимал, лишь бы заполучить птенцов. С легкой руки бескорыстного продавца и развернулся.

Виктор Киреев со чада

Сейчас у Киреевых пятьсот золотых и охотничьих фазанов, десять тысяч перепелок, шесть тысяч цесарок, уток и кур редких пород. Элитные кролики учету не поддаются. «Не успеваем штамповать, — пояснил Виктор, — очередь за ними со всей области».

По социальному статусу Киреев Виктор Александрович — единоличник. В деревне Истомино имеет деревянную избу и подсобное хозяйство на 30-ти сотках приусадебной земли.

НЕПАТРИОТИЧНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

На аграрном фронте Киреев и раньше хозяйствовал неплохо. Даже недруги признают: не лез бы куда не надо — вышел бы сейчас в большие начальники. Но характер у него, по их мнению, отвратительный: вбил в голову, что «коллективная форма хозяйствования в деревне себя изжила». А ведь сам когда-то был председателем крупнейшего на Орловщине хозяйства, получил орден и два инфаркта за колхозные рекорды, а потом будто бы за неделю прозрел, что труды были напрасны.

— Одного дня хватило, — уточняет Киреев. — Я как увидел: фермеры, муж с женой, содержат семь тысяч кур-несушек и три тысячи свиной, — так и рухнул. Мы всем колхозом — 700 человек! — держали четыре тысячи свинок. Считалось, ударники, меня наградили за это. Матерь Божья!

Прозрел Виктор на экскурсии в Германии. А по приезде стал склонять родных колхозников заделаться фермерами по типу западных. Большинство сопротивлялось. Лишь два года спустя их «Ленинский путь» все-таки повернул в «перестроечную» сторону. Правда, без Киреева — его к тому времени уже выгнали и даже земельный надел не дали.

Ничего, впоследствии и на 30-ти сотках не затерялся. Подозреваю, что те «коварные» иностранцы, сбившие с пути невинно-

го колхозного председателя, поглядев на его нынешнее хозяйство, плакали бы от зависти.

БАНДИТ-ИНВЕСТ

— Да ни с кем я не соревнуюсь и никому ничего не доказываю, — говорит Киреев. — Долг у меня после «кидалы» страшный — вот и «бомблю» птицу. Больше отдавать нечем.

Ну надо же! Испортил корреспонденту душевное повествование. Не укладываются в тему о преуспевающем крестьянине-единоличнике сомнительные долги и «кидалы».

— В общем-то, я ему благодарен, — на полном серьезе утверждает Виктор. — Не случись этого — мотался бы еще... Теперь осел на месте и спокойно работаю как умею. Что-то получается, много интересного придумал.

На коварных партнеров Кирееву везло. С тех пор как официально стал безработным, кому надо, его находили. Единственным этим нахам оправдание: все как один ценили киреевские таланты.

Первым судьба послала летчика. Вроде бы при неудачном катапультировании его осенила мысль — бросить авиацию и обзавестись зверофермой. Прежде норк и чернобурок авиатор живьем не встречал. Но, по счастливой случайности, встретил Витю Киреева, который это дело знал настолько хорошо, что

Киреева жена чуть не каждый год шила себе новую шубу. Под идею обрядить в дешевую пушнину и других орловских женщин новоявленный зверовод нанял себе в компаньоны неприкаянного зооинженера. За похлебку и без выходных.

– Меня это даже устраивало, – вспоминает Виктор. – Я тогда страшно терзался от собственной никчемности. Просто с ума сходил, что жизнь идет мимо и никому не нужны ни мой опыт, ни моя энергия. Знакомые дали Библию. Долго не мог подступиться: чем она мне, безбожнику, может помочь? А ведь помогла! Стал читать – и что-то в душе выровнялось. Во всяком случае, понял, что испытания посылаются не просто так: слабый становится сильнее, сильный – мудрее. Когда начинаешь смотреть на мир через эту призму, многое в твоём «я» открывается по-другому.

По той Библии, спасшей Виктора в трудную минуту, позже учились жить и его сыновья. А сам с тех времен носит бороду и посмеивается над собой: мол, напоминание о былых переживаниях.

Надо сказать, что в ту пору он вывел для своего залетного авиатора невероятное количество лис и норок. Но в один прекрасный момент летчик со зверофермы улетел. Навсегда. Батраку Кирееву в виде зарплаты достался меховой воротник.

Когда Виктора *кинули* в следующий раз, мерлушку продали за долги. В то время он уже не горбатился на чужого дядю, а работал, что называется, на себя. В целом интересный был период, тоже есть что вспомнить.

– Мое нынешнее хозяйство по сравнению с тогдашним – блоха, – утверждает Виктор. – Бывало, цеха брал в аренду. Птицефабрики как раз начали заваливаться. Вроде им невыгодно стало... А я приходил в пустые помещения и чего там только не разводил! Курочки были – закачаешься! Инкубировал перспективные породы, обкатывал всякие технологии... Вообще идея была – да и осталась – вернуть России хорошее поголовье. Только не вижу, кому это, кроме частных, надо.

Тогда все *идейки* заканчивались плачевно. Как только поголовье уходило на реализацию, а Виктор вдобавок к ожидаемой прибыли подзанимал у друзей денег на какое-нибудь более масштабное производство, компаньон со всей суммой давал деру, оставляя

его голым и босым. Киреев, хочешь не хочешь, начинал все с нуля. Расплачивался с кредиторами и... обзаводился новым партнером-прохиндеем. Прямо роковая планида у человека.

– Можно и так сказать, – раздумывает Киреев над неудачами в своей биографии. – Что сделаешь: не соображаю в коммерции. Работать – пожалуйста, хоть сутками. А вот сбывать продукцию – для меня проблема.

БЕЗ ПОЛИТИКИ

Сыновья Киреева, особенно старший, Андрей, выпускник агроуниверситета, отцовскую проблему личной не считают.

– Да в деревне у каждого, кто хоть немного шевелится, свой бандит при дворе, – горячится он. – Чуть не нормой стало: поросенок еще хрюкает, а тушу уже поделили. Хозяину – хвост да ножки, перекупщику – мясо. Прилипалы даже в инвесторы набиваются. Им денег для деревни не жалко – на что хочешь дают: хоть на корма, хоть на молодежь. Потом три шкуры сдирают. Крестьянину и деваться некуда.

Государство, по мнению младших Киреевых, это безобразие прозевало. А может, и не заинтересовано в цивилизованном рынке, хотя само же от этого и проигрывает.

Дипломная работа у Андрея была в том же духе: о невостребованности крестьянского потенциала в ходе аграрной реформы. Отец ему сказал:

– Не лезь в эту политику, занимайся делом.

Андрюха, конечно, делом занимается, но отец претензий своих не снял. Не нравится ему политика, при которой крестьянин кругом бесправен. Даже законов нет, на которые можно опереться. Будто личное подворье – такая ничтожная единица, что живо оно или уже сгнуло, никакого значения для страны не имеет.

Как-то у Киреевых пропало несколько тысяч яиц в инкубаторах. Никакой диверсии, просто районные электросети вырубали на двое суток свет – в целях государственной экономии. Не столько денег жаль, сколько неродившегося поголовья. Яйца от породистых курочек, некоторые, типа *орловских ситцевых*, – вообще редкость. Про загубленных фазанов и вспоминать не могут: две тысячи яиц было в закладке.

Кому от энергоэкономии полегчало – вопрос чисто риторический. Но, похоже, правы Киреевы, что без крепких нервов единоличнику в деревне не выжить. Был случай, Виктор чуть не сломался. Да на чем?! На перепелках. Ферму регистрировал. Бумаг – всей канцелярией за неделю не перечитать, от печатей в глазах рябит. Где надо, конечно, подмазывал. Тем более что перепелки были уже в заводе, неслись как сумасшедшие. Тут-то его на радостях и прихватили. «Мужчина, – говорит одна чиновничья мини-юбка в незначительной должности, – коушко клеймить положено. Первая свежесть, вторая... А то, может, оно у вас вообще тухлое».

Виктор так и упал. Кокушки – с ноготь, перепелок – десять тысяч, выдают по два яйца в день каждая. Да ему же роты солдат не хватит на клеймение!

С «мини-юбкой» потом Андрюха разобрался, у него получается. Еще и брошюру подарил: «Разведение перепелов в домашних условиях». Между прочим, свой первый научный труд, хотя и в соавторстве с отцом. Подумалось: «А может, если бы он Библию той дамочке дал почитать? Может, и у нее, как у старшего Киреева, все повернулось бы?» И тут же передумалось: «Да вряд ли. Не в коня...»

Брошюру корреспондентка ради интереса тоже почитала. Пишут, что на этом деле можно зарабатывать до полумиллиона в год, не выходя с подворья. Врать не стану, не слыхивала пока, чтобы кто-то из орловских крестьян отважился.

Орловская область

Фото Валерия Бушковского

СКРЕПЫ

Покой обещан нам в будущем веке, а здесь, на земле, труд и искушение. «Блажен человек, иже претерпит искушение» (Иак. 1:12).

Преподобный Амвросий Оптинский

Ваш выход, Фрол Скобеев!

Когда на сцене сходятся добротный драматургический материал, интуиция постановщика, воодушевление исполнителей и яркая сценография, то успех спектаклю обеспечен. Именно так и произошло в Московском государственном историко-этнографическом театре, поставившем «Комедию о Фроле Скобееве» Д.В. Аверкиева.

Плутовская народная «Повесть о Фроле Скобееве», известная с XVII века, пользовалась в России широкой популярностью. И не только из-за похождения главного героя, но и благодаря литературным достоинствам, о которых Д.С. Лихачев отзывался так: «...оригинальное и, безусловно, выдающееся по художественному качеству произведение». Этот сюжет неоднократно использовался отечественными литераторами, например И. Новиковым и Н. Карамзиным. В 1869 году известный драматург и беллетрист Д.В. Аверкиев написал пьесу, полное название которой – «Комедия о российском дворянине Фроле Скобееве и стольничей Нардын-Нащокина дочери Аннушке». В середине 40-х годов XX века композитор Тихон Хренников создал оперу «Фрол Скобеев». И обращение МГИЭТа к комедии Д.В. Аверкиева стало одним из немногочисленных сегодняшних вкладов в возрождение русской культуры. Увы, многое утрачено и уничтожено, но, слава Богу, есть такой театр, который не дает нам окончательно оторваться от родовых корней.

Московский государственный историко-этнографический театр – уникальное явление в театральном мире Москвы. Его коллектив, более двадцати лет возглавляемый художественным руководителем Михаилом Мизюковым, доносит до зрителей народные обычаи и обряды («Русский календарь», «Казачье действо»), ставит историко-этнографические пьесы («Комедия XVII век», «Тушино»), русские народные сказки для детей. И не только их. В репертуаре театра – «Ученик лицея» А. Платонова, «Любовная феерия» по Л. Украинке, «Шар и крест» по роману Г.К. Честертон. Уже из перечисленного видно, каким тонким чутьем на то, что актуально и необходимо в наши дни, обладает Михаил Мизюков. В здешних спектаклях зритель проникается эстетикой фольклорного театра, слышит традиционные русские песнопения и древние музыкальные инструменты, видит яркие национальные костюмы. А в некоторых пьесах звучит подлинная народная речь соответствующего исторического перио-

Фрол – Николай Антропов, Варвара – Светлана Американцева

да. Театр включен сегодня в правительственную программу «Патриотическое воспитание населения города Москвы на 2011–2015 годы».

«Комедия о Фроле Скобееве», поставленная Михаилом Мизюковым, явно пришлась по вкусу зрителям. Легкая, забавная, веселая, создающая радостное настроение, она словно снимает с души тяготы и заботы – это чувствовалось по улыбкам людей, сидящих в зрительном зале. Благодаря театру зритель, вслед за автором пьесы, любит и восхищается ловкостью, хитростью, смекалкой и находчивостью Фрола. И мы видим в нем – в исполнении Николая Антропова – не «вора и мошенника», а энергичного, умного, предприимчивого человека, волею обстоятельств поставленного в униженное социальное положение (обедневший дворянин), но не желающего мириться с бесперспективным существованием. Лидер по натуре, Фрол придумывает и осуществляет ходы и комбинации, с помощью которых хочет достичь богатства и высокого положения. И это ему, к радости зрителей, удается!

Актерский ансамбль очень гармоничен. Режиссер нашел ту меру сочетания исторического и современного, которая позволяет почувствовать непрерывающуюся связь времен. Как нам понятны эти герои давно прошедшей эпохи XVII века!

Высоко оценивая игру актеров, пришлось бы перечислить почти всех занятых в спектакле. Колоритные Аксинья Пяхомовна (Ольга Сенина) и Петр Савельич

(Дмитрий Кольго), эксцентричная Варюша (Светлана Американцева), кажущаяся скромницей, но своенравная Аннушка (Юлия Давыдова), берущий во всем пример со своего брата Лавруша (Павел Ештокин), Савва Лычиков, друг Фрола (Александр Пантелеев), – эти герои задают тон, обеспечивают действие своей энергией. Но и страдающие от их поступков персонажи – родители Аннушки (Сергей Васильев и Татьяна Шарбарина) – создают настрой, необходимый для достижения общего согласия в конце сюжета.

Отдельно расскажем о Николае Антропове. В его Фроле Скобееве явно проглядывают узнаваемые черты «благородного разбойника». Романтическая внешность актера располагает к тому, чтобы его герой вызывал нашу симпатию. И, конечно, не полюбила бы его Аннушка, будь он неотесанным грубияном! Более того, сочувствие зрителя обеспечивается той искренностью, с которой герой признает свои прегрешения и кается в них. В ряду романтических ролей Николай Антропов вспомним и спектакль «Шар и крест», где он играл пылкого, яростного защитника христианской веры.

Сценография же Марии Утробинной удивительно соответствует духу постановки. Костюмы и реквизит точно очерчивают время действия. Остроумная находка – карусель, которую вращают персонажи: это, с одной стороны, и есть сама жизнь, творимая людьми, а с другой – бег времени между событиями.

Фото из архива театра

СОДЕРЖАНИЕ

ЧТО ТАКОЕ БЫТЬ СМИРЕННЫМ?

В.П. Свенцицкий
«Смирись, гордый человек» 2

Протоиерей Андрей Ткачев
Гибок, как молодая ветвь 4

Михаил Давыдов – Павел Демидов
...То мерзость перед Богом 6

Лариса Беляева
Анкета «Лампады». Скажите,
пожалуйста 8

ЦЕРКОВЬ НЕБЕСНАЯ

Валентин Курбатов
Было утро... 10

Владимир Лёвушкин
Чтобы помнили. Чтобы знали. Ружье с гвоздя
революции 12

Сквозь Лик Богородицы 15

ЦЕРКОВЬ ЗЕМНАЯ

Лариса Фабричникова
Тихая грусть на родине адмирала 16

Анастасия Ступаченко
Да сбудется воля Господня! 19

Иеромонах Варлаам (Борин)
Сказка?..Притча?..Быль?..Ах, повилика! 22

СТРАНА СЛОВ

Дмитрий Шеваров,
Ася Шеварова (иллюстрации)
Души нетленная прозрачность 24

СТРАНА КРАСОК

Дмитрий Шеваров
Елена Прекрасная 28

МИР ВОКРУГ НАС

Лидия Графова
«Ной» приютился под Москвой. Надолго ли? 32

Людмила Бутузова
Из жизни одиночника, который однажды
взял в руки Библию... 36

Нина Козырева
Ваш выход, Фрол Скобеев! 38

Содержание 39

Храм иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине

Настоятель
протоиерей Георгий Полозов

Главный редактор
Павел Демидов

Верстка Иветты Бухаровой

Корректор Александра Федорова

Обложка: Храм Христа Спасителя.
Фото Ларисы Беляевой

Адрес редакции:
125414, г. Москва,
ул. Фестивальная, 77а

Телефоны: (495) 453-9101
8-926-105-1054
www.znamenie-hovrino.ru

Регистрационный номер А-0275
Выход в свет 12.03.2012
Цена свободная

**Издается на добровольные
пожертвования**

Приход храма иконы Божией
Матери «Знамение» в Ховрине,
город Москва.

Тверское ОСБ 7982/1653 г. Москвы
Сбербанк России г. Москвы
ИНН 7712050269
р/с 40703810938080100250
БИК 044525225
к/с 3010181040000000225
КПП 774301001

Отпечатано
в ООО «Типография Мосполиграф»
Москва, 4-й Лихачевский пер., д. 4

Контактный телефон:
8 (495) 974-3338

Тираж 1000 экз. Заказ № 410
© Лампада, 2012

ЛАМПАДА

в вашем доме

Подпишитесь на журнал для тех, кто стремится к Истине

ИЗДАНИЕ ХРАМА
ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ЗНАМЕНИЕ» В ХОВРИНЕ

www.znamenie-hovrino.ru

Рекомендовано Синодальным информационным отделом Московского Патриархата

Выписать журнал «ЛАМПАДА» можно
в любом отделении связи

На «ЛАМПАДУ» можно подписаться
и непосредственно в редакции.

Подписные индексы:

43570 – в объединенном каталоге «Пресса
России»

16594 – в каталоге «Почта России»

Позвоните:

8 916 388 4188 или

8 926 105 105 4

«ЛАМПАДА» продается в книжных лавках московских храмов:

Благовещения Пресвятой Богородицы в Петровском
парке (ул. Красноармейская, 2, стр. 2 г)

подворье Спасо-Преображенского Валаамского
монастыря (2-я Тверская-Ямская ул., 52)

Анастасии Узорешительницы в Теплом Стане
(ул. Теплый стан, влад. 4, 6)

св. мц. Татианы при МГУ (ул. Б. Никитская, 1)

Воскресения Словущего на Успенском Вражке
(Брюсов пер., 15/2)

Воскресения Христова в Сокольниках
(Сокольническая пл., 6)

Всех Святых б. Ново-Алексеевского монастыря
(2-й Красносельский пер., 7)

вмч. Георгия Победоносца в Коптеве
(Б. Академическая ул., 33)

Иверской иконы Божией Матери на Всполье
(ул. Б. Ордынка, 39)

иконы Божией Матери «Знамение» за Петровскими
воротами (1-й Колобовский пер., 1, стр. 2)

Новоспасский ставропигиальный мужской монастырь
(Крестьянская пл., 10)

подворье Спасо-Преображенского Соловецкого ставро-
пигиального мужского монастыря (Садовническая, 6)

Рождества Пресвятой Богородицы в Крылатском
(ул. Крылатские Холмы, 43)

Троицы Живоначальной в Хорошеве
(Карамышевская наб., 15)

Троицы Живоначальной в Хохлах
(Хохловский пер., 12)

Покрова Пресвятой Богородицы в Измайлове
(Серебряный остров, д. 1, стр. 1)

Сошествия Святого Духа на б. Лазаревском кладбище
(ул. Советской Армии, 12, стр. 1, 2)

Спаса Нерукотворного Образа в селе Котово
(г. Долгопрудный, Парковая, 2)

Сретенский ставропигиальный мужской монастырь
(ул. Б. Лубянка, 19)

Тихвинской иконы Божией Матери в Алексеевском
(ул. Церковная Горка, 26а)

«Троицкая книга», магазин при Московском подворье
Свято-Троицкой Сергиевой лавры
(2-й Троицкий пер., 6-а, стр. 1)

Успения Пресвятой Богородицы на Успенском Вражке
(Газетный пер., 15)

царевича Димитрия при Голицинской
(1-й Градской) больнице (Ленинский просп., 8, корп. 5)

Троицы Живоначальной в Останкине
(1-я Останкинская ул., 7, стр. 2)

свв. апп. Петра и Павла на Новой Басманной
(Н. Басманная, 11)

магазин «Кириллица»
(Черниговский пер., 9/13)

апостола Иоанна Богослова
(Богословский пер., 4)

свт. Климента, папы Римского
(ул. Пятницкая, 26/7)

Успения Божией Матери
в Казачьей слободе
(ул. Большая Полянка, 37)

Живоначальной Троицы
в Карачарове
(Рязанский проспект, 3)

ISSN 2225-0271

9 772225 027100